

ШКОЛА САМОПОЗНАНИЯ

ОЧИЩЕНИЕ

СОЗНАНИЕ

Школа самопознания

Александр Шевцов

**Очищение. Том 1. Организм.
Психика. Тело. Сознание**

«Издательство Роща»

2018

Шевцов А. А.

Очищение. Том 1. Организм. Психика. Тело. Сознание /
А. А. Шевцов — «Издательство Роща», 2018 — (Школа
самопознания)

ISBN 978-5-902599-58-6

Очищение в настоящее время стало расхожим понятием, им так или иначе занимаются все. Но что же мы очищаем? Организм? Психику? Тело? Сознание? И что следует очищать, если хочешь познать себя? Ответить на эти вопросы оказывается непросто. Для всех, интересующихся психологией, философией, самопознанием.

ISBN 978-5-902599-58-6

© Шевцов А. А., 2018
© Издательство Роща, 2018

Содержание

Дорога Домой	6
Предисловие	11
Наука и научная революция	13
Война богов	16
Титаномахия	18
Исходное	21
Глава 1. Философские сложности очищения	22
Глава 2. Несколько слов о прикладниках очищения	28
Глава 3. Медицина	33
Глава 4. О методе исследования божественных сущностей	40
Глава 5. Божественные помощники – Гигиена и Санитария	43
Выводы. В сторону все лишнее!	48
Основное: что чистим?	49
Море организма	50
Глава 1. Организация или творение?	50
Глава 2. Человек-машина	53
Глава 3. Врачи и физиологи о происхождении жизни	56
Глава 4. Евангелие от физиолога	58
Глава 5. Физиология и страх смерти	59
Глава 6. Долг интеллигенции перед Россией	61
Глава 7. Что же такое очищение организма?	63
Выводы: очищение от организма	65
Море психики	66
Слой 1. Психика медицинская	66
Глава 1. Организм + психика = человек?	66
Глава 2. Медицинское очищение психики.	66
Психиатрия	
Глава 3. Предмет психиатрии. Психическое без психики	71
Глава 4. Кречмер. Психология без души	75
Выводы: Медицина о психике не знает	78
Слой 2. Психика психологическая	79
Глава 1. Что же такое психика?	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Александр Шевцов
Очищение
Том 1. Организм. Психика. Тело. Сознание
Школа Самопознания

© А. А. Шевцов, 2004

© Издательское товарищество «Роща Академии», 2012

* * *

Дорога Домой

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,—
Съевши быков Гелиоса, над нами ходившего бога, —
День возврата у них он похитил...

Это Гомер. Это великий слепой провидец Гомер. Он описал свою судьбу, он вывел себя на божественную сцену под именем Кассандры, но даже это не помогло людям: они не слушали Кассандру, сколько бы она ни предупреждала их, они не слышали и Гомера. Уже в античное время его творения объявлялись сказками...

Гомеры и Кассандры не правы. Не правы просто потому, что не нужны людям. Даже если их устами вещает Истина, какое это имеет отношение к человеку, который не настроен ни слушать, ни искать истину?! Какое мне дело до истины, когда мне до нее нет дела? Другое дело, когда я сам захотел ее постичь! Вот тогда я переверну весь мир, но своего добьюсь! Вот, к примеру, Наука. Как только она поставила себе цель овладеть истиной, так тут же и перевернула его, этот наш бедный мир!..

Но почему мир перевернут, а Истины все нет? Может быть, Наука ищет не Истину, а то, что понимает под Истиной? Может быть, ученые знают, что искать, изначально и изначально ошибаются, поскольку Истина скрыта под какой-то личиной? А под личиной с именем Истина скрывается нечто иное? Охотится ли Наука за Истиной? Или же у ученых хватает и других целей? Способны ли люди вообще искать Истину?

Когда Кассандра предупреждает троянцев о грядущих бедах, она вещает истину. Но люди отмахиваются от нее. Гомер говорит: это рок, судьба бедной предсказательницы – не быть услышанной. О ком он говорит? О Кассандре? Или о предсказателе вообще? Есть ли примеры того, что люди услышали кого-то из прорицателей? Наверное, есть, но я их не знаю. Зато я знаю, что с нашим миром что-то не так. Мы точно заплутались, и жизнь наша становится все страшнее... Не предрекал ли этого кто-нибудь из провидцев? Не предрекал ли этого Гомер?

Я не любитель суеверий, и меня мало привлекают раскладывание карт и астрологические прогнозы. Я, скорее, человек научного склада ума, психолог, но готовый поглядеть на вещи философски. Нет ли в самой природе человека чего-то такого, что обрекает его на определенные виды ошибок?

И нельзя ли, глубоко заглянув в нашу природу, разглядеть не только этот прирожденный вывих, но и то, как он, накапливаясь, влияет на судьбу всей Земли и Человечества? Что для этого надо? Надо заглянуть в человеческую душу, поставленную в такие условия, когда осыпается шелуха и видно настоящее. Надо подсмотреть за настоящим человеком на изломе его жизни.

Кто такой этот многострадальный Одиссей, имя которого римляне произносили как Улисс? Великий хитрец. Но хитрость – это основная черта Разума. Разум – плут, говорили мне старые русские мазыки¹, о которых я уже рассказывал и еще расскажу. Это значит, что в Одис-

¹ Мазыки – о мазыках см. далее – Ред.

сее Гомер вывел Человека как такового – как Человека Разумного. Но если говорить о природе ошибки, губящей наш мир, то лучше будет сказать, что Улисс – это не Человек Разумный, а Человеческий Разум. И «человеческий» здесь и есть ошибка в чистом виде, потому что Разум един по своей сути во всей Вселенной, но отличается в зависимости от условий существования, поскольку он есть орудие выживания в мире.

Разум обеспечивает выживание в мире, но если он начинает губить свой мир, значит, он не справляется со своей задачей, значит, в нем есть что-то, что губит жизнь, а не сохраняет ее. Это что-то добавлено к основе или сущности Разума. И в нашем случае оно добавлено именно как то, что наложилось на Разум как Человечность. Человек – это то, что очень гордится собой, а не ищет Истину и не учится на своих ошибках... Гордое имя Человек – это и есть личина, скрывающая какую-то ложь. Ее обязательно надо приподнять.

Как приподнять маску, как заставить человека показать свое естество? Гомер бросает Одиссея в многолетнюю битву за возвращение к себе. «Одиссея» не зря завершает «Илиаду». Она – ее венец. Люди склонны считать «Илиаду» основным произведением Гомера, а «Одиссею» очень часто рассматривают лишь как своеобразный довесок, дополнение к основному труду. Думаю, это неверное понимание Гомера. «Илиада» была написана ради «Одиссеи». Она лишь подготовка к ней. Без нее не понять главное.

А главное в том, что, отдав жизнь на то, чтобы захватывать чужое, чтобы гоняться за чужими целями, человек должен однажды обернуться к самому себе. А обернувшись, он уже не в силах не возвращаться к себе. Песнь об Одиссее – это величайшее сказание о Начавшем самопознание и задавшем первый главный вопрос: откуда я? Где мой дом? Что я сделал, в чем провинился перед Богами, что они забросили меня в эти неведомые миры и отняли память?

...гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
съевши быков Гелиоса...

Люди гибнут за жратву, платя за нее Разумом! Расплачиваясь способностью думать! Это основная мысль всей песни: жрать или думать! Я не буду сейчас гадать, что символически могут означать эти быки Гелиоса. Ясно, что они как-то связаны с Солнечной энергией, и мысль может довести меня вплоть до Чернобыля. Но это фантазии, а вот выбор: разум или сытая беззаботная жизнь, – это в природе человека. И это святотатство! Почему Гомер использует это слово? Он ведь еще целиком в народном видении мира, ведь это еще восьмой век до нашей эры. Народ видел этот выбор как святотатственный, значит, нам предназначено служить Богам своим разумом, своей разумностью, тем, что мы всегда делаем предпочтение Разуму перед жратвой!..

Но если зачин песни говорит об этом преступлении, то главной песней всей «Одиссеи» становится десятая – песня о богине-чародейке Цирцее – дочери Гелиоса и Персы. Цирцея, или Кирка в другом произношении, считается страшнейшей из Богинь, с кем столкнулся Улисс, потому что она превращает людей в свиней! А что, если она лишь срывала с них человеческие личины?

Но если рассматривать путешествие Одиссея как философский рассказ о природе человека, то надо вспомнить, как он попадает на остров Эи, где жила Кирка. Это существенно. В своем бесконечном путешествии, преследуемый гневом Посейдона, поклявшегося не пустить Одиссея домой, он сначала оказывается на острове Эола. Это очень странное место:

Остров плавучий его неприступною медной стеною
Весь обнесен; берега ж подымаются гладким утесом...

Вряд ли такое место возможно в нашем мире. Плавучий остров за металлической стеной... Попасть туда можно было лишь по особым заслугам, так сказать, по решению Богов. И Одиссей был одним из немногих, кому это довелось. Поэтому все, что там происходило, очень значимо и не может быть случайным, даже если сами простодушные спутники Одиссея и приняли это за обычное гостеприимство. Но Эол определенно дал какой-то важнейший урок Одиссею. И я хочу сделать это уроком для себя, хочу научиться видеть значимое вроде бы в самых обычных событиях или книгах.

Месяц Эол угощал нас радушно и с жадностью слушал
Повесть о Трое, о битвах аргиев, о их возвращенье;
Все любопытный заставил меня рассказать по порядку...

Эол заставил Одиссея заново пережить, пересмотреть и расставить по какому-то неведомому мне порядку все, что было под Троей. Одиссей может как угодно оценивать самого Эола, например, как любопытного или изнывающего от скуки. Но мне нет дела до Эола, точнее, считая его Великим учителем, я не вправе оценивать его личные побуждения, кроме одного: он определенно учит меня чему-то. И для этого он заставляет меня просмотреть всю мою жизнь и найти в ней какой-то порядок. Какой? Пока я не знаю. Но я знаю, что это должен быть тот порядок, который позволит понять следующее испытание.

Но напоследок, когда обратился я, в путь изготавясь,
С просьбой к нему отпустить нас, на то согласясь благосклонно,
Дал он мне сшитый из кожи быка девятигодового
Мех с заключенными в нем буреносными ветрами; был он
Их господином, по воле Крониона Дия, и всех их
Мог возбуждать иль обуздывать, как приходило желанье.

Бог Эол заключил в мешок всё неблагоприятное, что могло помешать человеку в путешествии к себе, оставив лишь Зефир, который мог бы привести Одиссея домой... Но на десятые сутки этого приятного путешествия Одиссей заснул, а его спутники, словно демоны снов, позавидовали ему и развязали мешок Эола... Жадность и похоть! Когда бешеные ветры приносят их снова к дому Эола, тот в удивлении и гневѣ восклицает:

Ты ль, Одиссей? Не зловредный ли демон к тебе прикоснулся?
Что может ответить на это Улисс? Ответ его тоже значим:
Сон роковой и безумие спутников мне приключили бедствие
злое...

Не спи, человеѣ, и будь очень внимателен к тем, кого выбираешь в спутники себе. Научись избавляться от них сам, если не хочешь, чтобы они погибли по твоей вине. Одиссею не суждено было привести ни одного из своих спутников к себе домой, мы это знаем. И это означает лишь то, что в путешествии самопознания ты одинок, как одиноки только Боги. В это место, которое есть ты, нельзя привести другого, как нельзя и подарить самопознание. Не спи и не тащи с собой неготовых к самопознанию людей, которые еще не сделали своего выбора...

Но как бы там ни было, теперь начинается настоящее путешествие Одиссея. Покинутый Богами, он мечется по бурному океану жизни, утратив не только путь, но и направление. Жизнь же несет ему одни поражения. Вот в таком состоянии волны загоняют его на остров Цирцеи. Что там?

А там уготовано людям то самое испытание, о котором говорилось в зачине.

Вышла немедля она и, блестящую дверь растворивши,
В дом пригласила вступить их; забыв осторожность, вступили
Все; Еврилох лишь один назади, усомнившись, остался.
Чином гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея
Смесь из сыра и меду с ячменной мукой и с прамнейским
Светлым вином подала им, подсыпав волшебного зелья
В чашу, чтоб память у них об отчизне пропала; когда же
Ею был подан, а ими отведен напиток, ударом
Быстрым жезла загнала чародейка в свиную закуту
Всех; очутился там каждый с щетинистой кожей, с свиною
Мордой и хрюком свиным, не утратив однако рассудка.
Плачущих всех заперла их в закуте волшебница, бросив
Им желудей, и свидины, и буковых диких орехов
В пищу, к которой так лакомы свиньи, любящие рылом
Землю копать...

Вот и все. Похоже, спутники Одиссея получили то, что хотели: сытую и беззаботную жизнь. Надо отдать должное Цирцее – она заботливая хозяйка. Нигде не говорится, зачем она это делает, зачем ей эти зверушки, но она заботлива и дает то, что мы хотим. Кто она? Если Гомер провидец, а я ищу истину, то его рассказ – это указание на что-то действительно существующее в мире и во мне. И то, что я этого не вижу, ничего не значит, потому что именно про Кирку Гомер скажет в конце десятой песни:

Тою порою на брег привела чернорунную овцу
С черным бараном Цирцея и, там их оставя, меж нами
Тихо прошла, невидимая... Смертным увидеть не можно
Бога, когда, приходя к ним, он хочет остаться невидим.

Кто она, если приглядеться к тому, что окружает меня? Кто она, дающая то, о чем мы мечтаем и вождееем? Принесшая сытость и бездумную жизнь? Заботливая и невидимая?

Наука. Я вижу так. Не наука как поиск истины. И даже не Наука как огромное всемирное сообщество, обладающее своей материальной базой, экономикой и культурой – это всего лишь ее земное тело. Она душа Науки, она ее Богиня, заботливая и бессердечная волшебница, превращающая всех, кто зарится на ее блага, в свиней... Вряд ли для Гомера это слово было то же презрительное значение, что мы сейчас в него вкладываем. Скорее, для него это был символ стремления к обильной жратвою и бездумной жизни животного.

Но разве можно такое сказать про служителя Кирки, про жреца Науки, носящего гордое имя Ученый и кичащегося своим рассудком?! А вот пусть каждый решает сам, я же вспоминаю искушение стать членом научного сообщества и вижу, какие блага я мог обрести и какую большую жертву требовалось принести за это! Смешно, поразительно, невозможно, но, входя туда, в место, именуемое Храмом Разума, я должен был бы отказаться от своего свободного разума! Бесконечное множество условностей, правил и обязательств, которые надо учитывать в каждом вздохе и в каждом выдохе, чтобы быть одним из своих, сковывают ум ученого, и он не волен...

Тогда я этого не понимал, но испугался и попятился подобно Еврилоху. А теперь хочу войти в блистающие двери как Одиссей – с мечом и жаждой самопознания!

Это было мое искушение и мой выбор. Возможно, у других все было иначе, не берусь ни судить, ни определять. Это мое личное путешествие, и это мой личный счет к Богине, кото-

рую я разглядел за величием блестящих дверей ее Храма. Возможно, очень возможно, что я ошибся. Но моя ошибка – это мой путь, и мне его идти. Куда?

Кирка подсказала – для этого потребовалось всего лишь не поддаться ее очарованию и устоять против всех искусов, оставшись верным себе:

О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В доме своем я тебя поневоле держать не желаю.
Прежде, однако, ты должен, с пути уклоняся, проникнуть
В область Аида, где властвует страшная с ним Персефона.
Душу пророка, слепца, обладавшего разумом зорким,
Душу Тиресия фивского должно тебе спросить там.

Вот так. Пути к себе не знает ни Одиссей, ни Наука. Но она знает, где хранятся ответы на вопросы заплутавшихся людей. В царстве мертвых, там, где нет ничего живого, можно найти Душу, и она знает...

Наука, полностью бездушная, объективная Наука последних столетий, закрывшаяся от жизни машинами и технологиями, подобная бурному океану, кидающемуся на меня своими волнами, вихрями и демонами, напоминает мне Дантово чистилище. Это еще не Ад, но это уже и не мир живых. Это промежуточное пространство, в которое засосало нашу Землю и наши души. Но если пройти ее насквозь, если не побояться Аида, можно найти Душу. Души больше не живут в нашем мире, их место в Аиде...

В этом океане Науки можно заплутаться, там будет гонять кругами и прибывать все к тем же берегам. Можно завязнуть и застрять навсегда, можно купиться или продаться, но можно пройти насквозь и обрести Путь...

Я иду! Я иду...

Предисловие

В своей предыдущей книге – «Введение в самопознание» – я довольно уверенно вывел дорожку, которой намерен идти в своем самопознании и в построении школы самопознания для желающих идти со мной.

Она начиналась с очищения, а под очищением подразумевалось убирание помех познанию себя. Помех, конечно же, не внешних, а моих собственных, то есть живущих во мне. Но где могут быть во мне те помехи, о которой идет речь? Явно ведь, что речь идет не о запоре или проглоченной вилке, хотя и они, как кажется, будут сильно мешать в этом деле. Почему «как кажется»? Да потому что, случившись, они могут стать помехой, а могут и заставить меня обратить внимание на себя самого, и тем самым приведут к самопознанию!..

Так что же мне мешает? Похоже, речь идет не о телесных помехах.

С телесными мы или ничего не можем поделать или просто должны лечиться. Иначе говоря, они не стоят того, чтобы говорить о них в науке самопознания. Помехи самопознанию коренятся где-то в другом месте.

Предполагаю, что все коренится в нашем сознании. Ведь даже телесные недостатки становятся помехой самопознанию лишь тогда, когда их так начинает видеть наше сознание. Но стоит тому же сознанию сменить свое отношение к увиденному, и оно из проклятия превращается в благословение, из помехи в помощь...

Это кажется очевидным и настолько понятным, что вначале не вызывает вопросов. Однако именно здесь и начинаются сложности. Бытовым умом мы все прекрасно понимаем, что такое сознание. И мы всегда понимаем, о чем идет речь, когда в разговоре всплывает это слово. Но знаем ли мы, что это такое? Знаем ли мы, что такое сознание, хотя бы на том уровне, который позволит не сомневаться, что, говоря о сознании, мы действительно говорим о сознании?!

И еще один вопрос: а как соотносится с сознанием Душа? Кстати, что в действительности придется очищать при самопознании – сознание или душу? Или же тело? В той его части, что именуется, к примеру, нервной системой или мозгом?

Все эти вопросы я задаю не риторически, это не литературный прием.

Я действительно хочу понять, с чем имею дело. И в первую очередь мне необходимо определить среду, которая является носителем моих помех. Ибо очищать придется ее, а как очищать то, чего нет или что ты не видишь?

Итак, в этой книге я хочу понять, что же мне придется чистить, а еще точнее, очищение чего дает самопознание.

Начать придется с того, что плещется прямо под дном моего корабля, стучась в его борта с каждого книжного прилавка, – с самых простых и доступных до навязчивости книг по прикладной медицине. Где же еще искать очищения современному человеку, как не у научной Медицины!

Но это снаружи, а внутри, в себе придется поднять весь соответствующий этой прикладной медицине слой моего бытового сознания, хранящий все самые поверхностные знания об очищении себя.

А за ним и те все более глубокие слои, что мы привыкли считать наукой или, это будет точнее, своими научными знаниями об устройстве мира.

Знания об устройстве мира принято называть картиной или Образом мира. Это чистой воды явление сознания. Образ мира хранит все мои представления о мире, включая образ земного шара с его морями и материками. Не знаю, облегчит ли этот образ мое очищение, но

он дает возможность продлить путешествие Одиссея в глубь сознания. В моем сознании живут и те моря, что описывает Гомер, и те, что описывает География, и те, что опишу я, как части моего Образа мира. Например, море Науки.

Наука во мне – это, пожалуй, даже не одно море, а несколько, слагающихся из множества слоев. Наука пронизывает наше сознание насквозь потому, что является теперь нашей бытовой культурой, впитываемой с самого рождения. Человеку, приступающему к очищению и самопознанию, невозможно пройти к себе в обход того, что положила в меня Наука. Поэтому Наука – основное содержание этого тома.

Но сначала одно предуведомление. В книге я временами пишу Наука с Большой буквы, а временами – наука, с маленькой. Иногда я пишу имена Наук с Большой буквы – Медицина, Физика, Физиология – а иногда их же с маленькой. Это надо объяснить.

С Большой буквы я пишу имена, а с маленькой – названия. Слово «наука» может быть именем сообщества, тогда она своего рода божество, огромное живое существо, воплотившееся в тело своего сообщества. Тогда она Наука. А иногда речь идет о науке как орудии познания, способе постижения истины. Тогда это лишь название, и я пишу его с маленькой буквы. То же самое относится и ко всем частным наукам и Наукам.

Это так важно, что я вынужден сделать небольшое отступление, которое облегчит понимание всей книги.

Наука и научная революция

Как вы уже поняли, в этой книге еще нет рассказа собственно об очищении. Она до очищения и вся целиком посвящена поиску того, что мы можем очищать, что доступно в нас очищению, что является предметом очищения в человеке.

Как только ты ставишь перед собой этот вопрос, так тут же понимаешь, что все прикладное очищение предельно уязвимо и, самое главное, вызывает сомнения и даже недоверие. Оно либо чистит что-то, не дав себе труда вообще задуматься над тем, что делает, либо откровенно заимствует все объяснения из Науки, тем самым делая себя ненужным. Если рядом есть первоисточник, зачем же пить знания из вторых рук?

Зависимость всего, что в современном мире говорит об очищении, от Науки оказывается настолько яркой и сильной, что исследование очищения очень быстро оказывается исследованием научных представлений, позволяющих вести очищение. Оно скрыто присутствует даже там, где по всем признакам должна бы быть вотчина прикладного очищения. Поэтому в большей части моя книга просто посвящена Науке и ее взглядам, и это надо обговорить заранее, потому что освобождение от бездумной зависимости от научности всего, что мы делаем, и, главное, того, как мы видим мир, вероятно, является главным очистительным упражнением этой части моего исследования.

Заявление об очищении от Науки и научных представлений для многих может показаться неожиданным и даже кощунственным, и поэтому я считаю необходимым заранее дать некоторые пояснения. Тем более, что исследование научного присутствия в нашем сознании я веду уже не в первой книге и поэтому явно упускаю в этой некоторые исходные объяснения.

Говоря научно, мое исследование психологическое, а не антисциентистское, то есть не антинаучное. Это отнюдь не призыв изгнать Науку из нашей жизни. Это, скорее, призыв стать хозяином и ей, и себе. Многие вещи, появившиеся в жизни современного человека, могут быть как его благословением, так и проклятием. К примеру, химические лекарственные средства. Они могут быть последним спасением, но когда видишь бабушек с фанатичным блеском в глазах, несущих все свои сбережения в аптеки, невольно задаешься вопросом: не стали ли эти аптеки их храмами, а Медицина – богом?

Лечиться – это одно, не мочь не лечиться, хотеть лечиться – другое. Болезнь – это плохо, желание потреблять таблетки – хуже, поскольку бессмысленно и зависит только от тебя. Для него даже болезнь не нужна.

С таблетками все очевидно, с Наукой далеко не так. Наука вошла в наше сознание исподволь, и люди не замечают, что зависят от нее не только технологически, но и психологически. Из-за этого она уже давно не орудие познания мира в наших руках, а наша Богиня, которой мы служим тем, что становимся биологическими придатками, обеспечивающими работу ее машин и технологий. Мы служим ей бездумно и безумно.

Но я бы не хотел сейчас кратко пересказывать все то, что подробно и с гораздо большей доказательностью показано в самом исследовании. Поэтому я скажу лишь о том, что осталось за рамками этой книги, но необходимо для понимания.

Наука в том смысле, в котором мы знаем ее сейчас, явление относительно новое. В сущности, она является мировоззрением буржуазии, пришедшей к власти в западном мире в XVII веке с победой промышленной революции. Сами теоретики Науки считают своими отцами Коперника, Галилея и Декарта. Но это надо понимать верно.

Как вы уже видели, когда мы сейчас говорим слово «наука», мы можем понимать под ним две вещи: поиск истины и сообщество, занимающееся научной деятельностью. До XVII века наука была только поиском истины. Поиск истины не означает обладания ею. Поэтому история науки – это история ошибок, которые позволяли менять направления поиска. Коперник был

занят только истиной и ни на миг не задумывался о создании научного сообщества. Он даже не публиковал своих открытий при жизни. Как вы знаете, сейчас публикация работ – обязательное условие приема в высшие этажи научного сообщества. И чем большее воздействие оказала на читателей публикация, тем выше место ее автора.

Мысли Коперника об устройстве мира были противоположны представлениям Церкви, которая точно была правящим тогда сообществом. По крайней мере, основной опорой Власти. Взгляды Коперника были определенной сменой направления в поиске истины, по сравнению с церковным. Но они могли так и остаться лишь поиском истины, если бы определенное сообщество людей не захотело использовать их как символ своей веры.

Пример для подражания дал Галилей. Он мог бы прожить, как и Коперник, ради истины, но предпочел сменить цель своей жизни на борьбу с Церковью. И в итоге его жизнь превратилась в символ борьбы за свет истины против церковного мракобесия. Но борьба с тьмой не есть познание истины. Тем более борьба с Церковью. Это совсем другая цель. И она определенно связана с другими людьми – и теми, с кем ты борешься, и с теми, ради кого ты борешься. В поиске истины другие люди не учитываются. Это всегда лично твои взаимоотношения с действительностью.

Вот так родилась революционная идеология, то есть мировоззрение, призывающее к перевороту устоявшегося мира. Оно-то и есть основное мировоззрение Науки как сообщества, сплотившегося вокруг идей Галилея и Декарта, продолжившего его дело. Продолжившего тем, что показало полную несостоятельность врагов. А врагами для Галилея были не все церковники, а в первую очередь те, с кем он вел спор о том, кто умнее, – профессора теологии, придерживавшиеся взглядов Аристотеля. Насколько они его, конечно, понимали.

Декарт добывает Аристотелизм и предлагает совсем новый метод исследования действительности. Сутью его, как и метода Галилея, были отказ от авторитетов, требование исходить во всем из того, что есть разум, и математический язык описаний мира.

Это и есть самая сущность научной революции, начавшейся в XVII веке. То, что мы видим сейчас – это убедительная победа Науки в борьбе за мир и наши умы, но очевидной она стала только за счет подключения технологии и получения обилия. А началась научная революция именно тогда, когда определенное, хотя еще и небольшое, сообщество людей избрало следовать в жизни символу веры, предложенному Декартом.

Сейчас Наука и любой человек научного склада ума считают само собой разумеющимся правилом научного подхода исходное сомнение. В чем? Хотя бы в полноте своих знаний. И мало кто из ученых отдает себе отчет в том, что это требование не научное, а политическое. Но если вспомнить труды Декарта, то его сомнения только внешне кажутся сомнением в себе самом, ищущем прочных оснований для начала исследования и приходящем к тому, что все сомнительно, без сомнения только само сомнение, только то, что я сомневаюсь, а значит, мыслю.

Вдумайтесь в то, что происходит, когда бывший учащийся католической школы сомневается. В чем он сомневается? В том, как ему описали мир и человека. Кто? Церковь. Это сомнение еще считалось преступным, потому что посягало на все устои церковной власти. За него просто сжигали. Поэтому Декарт сбегает из Франции и десятилетиями прячется под вымышленными именами на окраинах Амстердама.

Он точно знал, что напраказил и должен быть за это наказан! И если бы ему было дело до истины, он мог бы тихо познавать мир, но ему было дело до славы, и поэтому он одновременно прятался и блистал в светских салонах, ненавидя и ревнуя всех тех, кто его затмевал. Вот суть картезианского и научного сомнения.

Суть требования исходить из разума – это все та же война с Церковью. Отказать в праве объяснять мир всем тем авторитетам, которые его объясняли. И объяснить все заново. Главное – внести в умы людей сомнение в авторитетах и одновременно убеждение, что разум – это высший авторитет.

В сущности, Разум, как его понимали в начале научной революции, был Богом или Разумом Бога. О том, что такое человеческий разум, тогда почти ничего не знали. Да и сейчас вершинным исследованием человеческого Разума остаются труды Платона и Сократическая философия. Наука-то не очень исследует разум, и это тоже не случайно. Почему?

Мне думается, потому, что ей нужна власть, а власть – не действительное познание истины. Объявив разум высшим мерилom человеческой деятельности, она не стремилась дать определение разуму, тем самым подразумевая, что речь идет о разуме ученых. И это породило произвол. Все, что сказано учеными от лица Науки, – истинно, потому что научно.

Почему Наука до сих пор не знает, что такое разум? По той простой причине, что ею этот вопрос никогда не ставился. Задача была революционной – перевернуть мир. Но ведь перевертывать можно двумя способами – стремясь оказаться вверху или стремясь верх сделать низом. Вспоминайте Галилея, и вы поймете: тогда в самом начале, когда и делалась постановка научной задачи, ненависть к верху была так сильна, что думали только о том, как его скинуть и утопить в дерьме. Столь любимое людьми науки восклицание Галилея: И все-таки она вертится! – если перевести с языка чувств на язык разума, означает: И все-таки я вас уел! Вы – дерьмо!

Именно поэтому все революционеры будущего, вплоть до русской революции 1991 года, всегда думали о том, как захватить власть, скинув старую, и никогда о том, как править и строить жизнь после захвата. Это – пустяк, о котором еще будет время подумать! Вот суть научного метода Декарта.

Ну и последнее требование Науки – математика – определенно связано с теми же революционными задачами. Враг говорит на языке, который поражает воображение слушателей волшебными картинами божественных миров. Такой язык – это действенное орудие захвата людских душ. Значит, надо создать свой таинственный язык, чтобы увести людей как можно дальше в те миры, где нет места ни прежнему волшебству, ни прежним Богам. Если приучить людей видеть мир, к примеру, математически, они уже не смогут видеть в нем не только Богов, но и себя и свои души. Какие души в мире математических абстракций! И тем не менее, именно это и дает власть над душами людей!

Сложный фокус, который я не хочу описывать в этой краткой статье.

Я уже писал о том, как захватывают душу Мечтой, и еще пишу об этом и о математике в этой книге. Но исследование этой ловушки слишком объемно, чтобы завершать его здесь. Поэтому я пока ограничиваюсь лишь указаниями на нее да сбором наблюдений. Удастся ли мне найти ее решение, я пока не знаю.

Да и не только фокус с математикой, но и многие другие действия, совершенные Наукой для захвата этого мира, так сложны и огромны, что мое сознание не охватывает их одним взглядом. Поэтому я придумал прием, позволяющий вести хоть какое-то изучение деяний такого масштаба.

Война богов

Я предполагаю, что Боги вовсе не ушли из нашего мира – они по-прежнему ведут за него борьбу и захватывают его, отвоевывая друг у друга. Но нам трудно видеть их деяния, когда они не хотят быть видимы смертными. Нам остается лишь догадываться о них по теням, что отбрасываются на стены нашей пещеры, и собирать крупницы наблюдений.

Вот и я там, где не могу найти иного объяснения происходящему, делаю предположения, что это деяния Богов. Поэтому я пишу внутри этой книги об Очищении еще одну книгу – о Битве Богов, которую и называю здесь Научной революцией. Впрочем, научной она видится только нам, Боги же по-прежнему сражаются за Олимп.

Первое описание Войны Богов за этот мир было сделано на рубеже восьмого и седьмого веков до нашей эры древнегреческим поэтом Гесиодом в эпической поэме «Теогония». Теогония – это происхождение Богов. Поэма включает в себя рассказ о происхождении Богов и Героев, то есть тех, кто получил право владеть этим миром, поскольку вел свой род от Богов. В сущности, это и рассказ об утверждении Власти на Земле и над Землей.

Внутри этого рассказа есть «книга в книге» – рассказ о том, как Боги захватили и утвердили свою власть над миром. Он называется Титаномахия, Борьба с титанами.

Вся человеческая история развивалась по образцу этого архетипа, то есть древнейшего способа поведения. Таким образом, независимо от того, была ли хоть какая-то вещественная действительность за преданиями о Богах, эти предания, безусловно, являются действительностью нашего сознания, потому что описывают важнейшие образцы нашего поведения.

Как для психолога для меня это очевидность. Очевидность и то, что мы ведем себя строго в соответствии с этими древнейшими образцами, и то, что мы так привыкли к ним, что даже не замечаем их присутствия. Присутствия кого?

Конечно, образцов поведения, которые Юнг назвал архетипами. Но стоит чуточку ослабить узел галстука, который затянула на горле нашей души Наука, стоит просто сказать себе, как это принято в прикладной психотерапии: отпустись, позволь себе просто наблюдать за своими мыслями и душевными движениями, – как начинаешь видеть Богов. Точнее, начинаешь ощущать их присутствие и умысел во всем, что окружает тебя. Будто безмерно огромные тела ворочаются в окружающей тебя водной бездне, и хоть они сами и остаются неразличимы в этом сумраке, но вызванные ими колебания воды возбуждают внимание.

Что за среда обеспечивает сейчас жизнь Богов? Конечно, человечество. Бескрайний океан биомассы, обладающей сознанием. Боги строят свои тела из нас, сбивая нас в сообщества. Это описывал еще Платон, об этом говорил Гоббс. Мысль не нова. Но для наших мелких целей она излишня, поэтому мы однажды настолько привыкаем к этим скрытым движениям среды, что перестаем обращать на них внимание и даже придумываем им естественнонаучные объяснения, чтобы убаюкать самих себя.

Моя цель лежит за рамками этой книги, и даже Науки, и потому я не смог не замечать, что вся научная революция была переполнена движениями огромных сражающихся Божественных тел. Я не провидец, способный видеть Богов. Поэтому я лишь отмечал все странное, что являло себя в том материале, что я изучал в связи с поиском очищения или науки самопознания.

Поскольку все эти движения присутствуют лишь тенями, вкрапленными в мое поведение через мое сознание, то и в книге я предпочел лишь вставлять небольшие метки там, где такие образцы поведения оказывают воздействие на поведение ученых. Чтобы еще более усилить сходство с действительностью, я вставлял эти метки прямо в основной текст книги, как бы вплетая в осознанное действие небольшие вставки. Вставки эти невелики, но действенны, как все, что неосознанно правит нами.

Кстати, когда подобные движения в глубинах своего сознания удастся подметить и описать, поражаешься, как же все очевидно и как можно было быть таким слепым. Но уже в следующем куске, где движение Бога не выделено и не описано, забываешь свое прозрение и сопереживаешь лишь деяниям людей.

Последняя мысль, которая поразила меня, – это то, что «Теогония» Гесиода почему-то была чрезвычайно труднодоступна. Я историк по образованию, но читал лишь ее пересказы и не держал в руках книги Гесиода. Конечно, она была переведена в России, и переведена век назад, еще Вересаевым. Но прочитать ее удавалось только тем, кто ставил это себе задачей. Все остальные ограничивались ее краткими пересказами всяческих мифологов. Да и по сей день в России нет полноценного научного перевода этой очень краткой поэмы. Почему?

Наверное, это никому не нужно... Или наоборот, кому-то нужно, чтобы этого не было...

Титаномахия

Мы изучали греческую мифологию по Куновским «Легендам и мифам Древней Греции». Это было очень краткое изложение. Но еще проще изложить Титаномахию по двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира». Там она еще меньше и невнятной.

Титаны, в греческой мифологии боги первого поколения, рожденные землей Геей и небом Ураном; их шесть братьев (Океан, Кой, Крий, Гиперион, Иапет, Кронос) и шесть сестер-титанид (Тефида, Феба, Мнемосина, Тейя, Фемида, Рея), вступивших в брак между собой и породивших новое поколение богов: Прометей, Гелиос, музы, Лето и других. Имя титаны, связанное, возможно, с солнечным жаром или владычеством, догреческого происхождения.

Младший из Титанов Кронос по наущению матери Геи серпом оскотил Урана, чтобы прекратить его бесконечную плодовитость, и занял место верховного бога среди Титанов.

Родившемуся от Кроноса и Реи Зевсу, в свою очередь, было суждено лишиться власти отца и стать во главе нового поколения богов – олимпийцев.

Титаны (кроме Океана) выступили с Офрийской горы; боги, рожденные Кроносом и Реей, – с Олимпа (отсюда их название олимпийцы); сражение (титаномахия) между Титанами и олимпийцами длилось десять лет, пока на помощь Зевсу не пришли сторукие. Победенные Титаны были низринуты в тартар, где их стражами стали сторукие.

Вот и все, что считается достаточным для нас. Гесиод гораздо подробнее. Итак, десять лет бесплодной борьбы детей против отцов подсказали революционерам, возглавляемым Зевсом, что нужно для победы придется заключать политический союз с самыми грязными силами, которые только порождает Земля. Сейчас бы их назвали подонками, в русскую революцию – люмпен-пролетариями. Тогда ими были сторукие – гекатонхейры, вызывавшие отвращение даже у Кроноса, который и заключил их в чрево Земли.

Ко Бриарею, и Котту, и Гиесу с первого взгляда
В сердце родитель почуял вражду и в оковы их ввергнул,
Мужеству гордому, виду и росту сынов удивляясь.
В недрах широкодорожной земли поселил их родитель.
Горестно жизнь проводили они глубоко под землею,
Возле границы пространной земли, у предельного края,
С долгой и тяжкою скорбью в душе, в жесточайших страданиях.
Всех их, однако, Кронид и другие бессмертные боги,
Реей прекрасноволосой рожденные на свет от Крона,
Вывели снова на землю, совета послушавшись Геи:
Точно она предсказала, что с помощью тех великанов
Полную боги победу получают и громкую славу.

Ибо уж долгое время сражались друг против друга
В ярых, могучих боях, с напряжением, ранящим душу,
Боги-Титаны и боги, рожденные на свет от Крона:
Славные боги-Титаны – с Офрийской горы высочайшей,
Боги, рожденные Реей прекрасноволосой от Крона,
Всяких податели благ, – с вершин многоснежных Олимпа.
Гневом, душе причиняющим боль, пламенели друг к другу,
Десять уж лет непрерывно они меж собою сражались,
А разрешенья тяжелой вражды иль ее окончанья

Не приходило, и не было видно конца межусобью.

Вызволив тех великанов могучих, подали им боги
Нектар с амвросией – пищу, которой питаются сами.
И преисполнилось сердце у каждого смелостью мощной.
[После того как амвросией с нектаром те напитались,]
Слово родитель мужей и богов обратил к великанам:
«Слушайте, славные чада, рожденные Геей с Ураном!
Слово скажу я, какое душа мне в груди приказала.
Очень уж долгое время, сражаясь друг против друга,
Бьемся мы все эти дни непрерывно за власть и победу, —
Боги-Титаны и мы, рожденные на свет от Крона.
Встаньте навстречу Титанам, в жестоком бою покажите
Страшную силу свою и свои необорные руки.
Вспомните нашу любовь к вам, припомните, сколько страданий
Вы претерпели, пока мы вам тягостных уз не расторгли
И из подземного мрака сырого не вывели на свет».
Так он сказал. И ответил тотчас ему Котт безупречный:
«Мало, божественный, нового нам говоришь ты: и сами
Ведаем мы, что и духом и мыслью ты всех превосходишь,
Злое проклятие разве не ты отвратил от бессмертных?
И не твоим ли советом из тьмы преисподней обратно
Возвращены мы сюда из оков беспощадных и тяжких.
Вынесши столько великих мучений, владыка, сын Крона!
Ныне разумною мыслью, с внимательным духом тотчас же
Выступим мы на защиту владычества вашего в мире
И беспощадной, ужасной войною пойдем на Титанов».
Так он сказал. И одобрили, слово его услышавши,
Боги, податели благ. И войны возжелали их души
Пламенной даже, чем раньше. Убийственный бой возбудили
Все они в этот же день – мужчины, равно как и жены, —
Боги-Титаны и те, что от Крона родились, а также
Те, что на свет из Эреба при помощи Зевсовой вышли, —
Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый
Около плеч многоможных, меж плеч же у тех великанов
По пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких.
Вышли навстречу Титанам они для жестокого боя,
В каждой из рук многоможных держа по скале крутобокой.
Также Титаны с своей стороны укрепили фаланги
С бодрой душою. И подвиги силы и рук проявили
Оба врага. Заревело ужасно безбрежное море,
Глухо земля застонала, широкое ахнуло небо
И содрогнулось; великий Олимп задрожал до подножья
От ужасающей схватки. Тяжелое почвы дрожанье,
Ног топотанье глухое и свист от могучих метаний
Недр глубочайших достигли окутанной тьмой преисподней.
Так они друг против друга метали стелящие стрелы.
Тех и других голоса доносились до звездного неба.
Криком себя ободряя, сходились боги на битву.

Сдерживать мощного духа не стал уже Зевс, но тотчас же Мужеством сердце его преисполнилось, всю свою силу Он проявил. И немедленно, с неба, а также с Олимпа Молнии сыпля, пошел Громовержец-владыка. Перуны, Полные блеска и грома, из мощной руки полетели Часто один за другим; и священное взвихрилось пламя. Жаром палимая, глухо и скорбно земля загудела, И затрещал под огнем пожирающим лес неисчетный. Почва кипела кругом. Океана кипели теченья И многошумное море. Титанов подземных жестокий Жар охватил, и дошло до эфира священного пламя Жгучее. Как бы кто ни был силен, но глаза ослепляли Каждому яркие взблески перунов летящих и молний. Жаром ужасным объят был Хаос. И когда бы увидел Все это кто-нибудь глазом иль ухом бы шум тот услышал, Всякий, наверно, сказал бы, что небо широкое сверху Наземь обрушилось, – ибо с подобным же грохотом страшным Небо упало б на землю, ее на куски разбивая, — Столь оглушительный шум поднялся от божественной схватки. С ревом от ветра крутилася пыль, и земля содрогалась; Полные грома и блеска, летели на землю перуны, Стрелы великого Зевса. Из гущи бойцов разъяренных Клики неслись боевые. И шум поднялся несказанный От ужасающей битвы, и мощь появилась деяний. Жребий сраженья склонился. Но раньше, сошедшись друг с другом, Долго они и упорно сражались в схватках могучих. В первых рядах сокрушающе-яростный бой возбудили Котт, Бриарей и душой ненасытный в сражениях Гиеc. Триста камней из могучих их рук полетело в Титанов Быстро один за другим, и в полете своем затенили Яркое солнце они. И Титанов отправили братья В недра широкодорожной земли и на них наложили Тяжкие узы, могучестью рук победивши надменных. Подземь их сбросили столь глубоко, сколь далеко от неба, Ибо настолько от нас отстоит многосумрачный Тартар...

Каким-то необъяснимым образом история до сих пор развивается по этому сценарию. Дети упорно воюют с отцами, творцы Наук и революций охотно именуют себя титанами, а мы терпим и поклоняемся подателям благ...

Кстати, человечество было порождено Титанами. А вот те, кто им правил, – герои, ведут свой род от Зевса. Иными словами, люди, которым принадлежит власть, – это совсем иная раса. Так называемый правящий класс или люди, составляющие собой государство, – всегда иной, особой национальности по сравнению с управляемым народом.

Люди древнее Богов, которые владеют ими, но забыли и предали тех, чьими детьми являются.

Исходное

Глава 1. Философские сложности очищения

Готовясь к этому исследованию, я, конечно же, просмотрел множество современных изданий по очищению. Пишут их прикладники, создавшие какие-то методики, а то и целые школы очищения. Причем, и это бесспорно, школы эти оцениваются и ощущаются как вполне действенные. И при этом ни в одной из этих книг я не нашел просто определения понятия «очищение».

Наличие определения понятия, на котором строишь свою деятельность, еще не есть философия, но его отсутствие сразу же отсекает тебя от философии избранного дела. И означает это то, что все современное прикладное очищение не продумано, хотя его создатели очень много думали о том, как чистить. Как чистить что?

Наверное, человека... или человеческое тело... или, еще вернее, какие-то части тела, органы. Впрочем, чаще всего звучит такое привычное и одновременно странное слово: организм. Что такое организм? Четкого определения нет. Не потому, что никто не давал определения этого понятия, а потому, что оно невозможно.

Слово «организм» было придумано физиологами как некий компромисс между партийными убеждениями сообщества естественников-физиологов и действительностью. Соответственно, в зависимости от того, насколько жестко тот или иной физиолог придерживается партийных взглядов, меняется и место, где проходит граница компромисса. Объясню.

Война богов. До появления естественнонаучного сообщества «человек» осознавался как сложное понятие, состоящее из тела и души. Естественники избрали верить в то, что души нет, есть только тело и его физика – физиология. Соответственно, было заявлено, что в человеке все можно объяснить исключительно исходя из телесных проявлений, а душа, якобы, не нужна для объяснения ни одной из сторон «человека». В соответствии с законом достаточности рассуждения, называемым в философии бритвой Оккама, все, что не требуется для объяснения явления, должно быть устранено из рассуждения.

Рассуждение не только не было проделано, оно еще даже не началось, но душу уже объявили излишней, потому что предполагалось, что Физиология объяснит все. Это было время головокружения от первых успехов естественнонаучного метода.

А душа мешала Науке утвердиться в качестве главной опоры Власти вместо Религии. Все были молоды и очень спешили.

Однако, довольно скоро выяснилось, что некоторые проявления человека не объясняются лишь физиологически, точно существовало еще нечто, что вносило поправку в физиологическую механику. И тогда физиологи придумали неожиданный ход. Они не признали, что поторопились выкинуть из рассмотрения душу, но придумали некое расширение к телу, которое и назвали непонятным словом «организм».

В итоге все были довольны – душа по-прежнему не мешала торжеству естественных Наук, а просчеты телесных проявлений теперь велись с поправкой на нечто, выходящее за рамки тела. Как далеко выходящее, никто не определял, вот почему границы компромисса гуляют, а четкое определение организма невозможно.

Именно организм-то и лег основным понятием в фундамент всей теории очищения, используемой сегодня в Медицине или около нее.

Итак, используемое современными прикладниками при очищении понятие «организма» совершенно неприемлемо для работы. Оно словно сошло со страниц русских сказок о мудрой семилетке, которой предлагается приехать к царю и по дороге и не по дороге, и в одежде и не в одежде, и с подарком и без подарка одновременно. Вот и организм – это и тело и не тело, и душа и не душа. На самом деле организм – это не то, что требует очищения, это то, что требуется, чтобы Физиология и Медицина спали спокойно.

Кстати, если вы задумаетесь о сказках про семилетку, а они известны во множестве вариантов, то поймете, что в них речь идет о втором женском посвящении. Первое происходило года в 2–3 и называлось Постригом. Тогда ребенка как бы посвящали в пол, и он из бесполого дитя превращался в девочку или мальчика. В семь лет детей проверяли на то, усвоили ли они основные понятия родной культуры и научились ли думать хотя бы в той мере, чтобы их определить на учебу. Это говорит о возрасте Науки, придумавшей загадку про организм. Организм – это из детства научного сообщества.

Но если приглядеться, то эти детские загадки требуют от ребенка распознавать, что является действительностью, хотя и непривычной. По дороге и не по дороге одновременно – это по обочине дороги. Это действительность, которую может рассмотреть только достаточно взрослый член общества. Но вот не тело и не душа – это только организм и ничего кроме организма, никакой действительности. Сказка в чистом виде, призванная искусственно удерживать людей от взросления в состоянии повышенной доверчивости. Но в итоге при чистке организма нам недоступны ни душа, ни тело. А значит, недоступна и чистка.

Благодаря этому, прикладники очищения вынуждены, говоря об организме, делать выбор и чистить либо тело, либо душу. Чаще все-таки тело.

Но что такое очищение тела? Тело ведь состоит из частей, то есть отдельных органов. Вот и чистка распадается на очищение отдельных органов. А все разговоры об очищении организма оказываются каким-то шарлатанством. Почему?

А давайте задумаемся. И это уже начинается философия. Для того, чтобы что-то чистить, нужно знать, что ты чистишь. Это означает, что нужно иметь понятие самой материи, которую очищаешь. А значит, знать то, что способно очищаться. Но способность очищаться предполагает и способность загрязняться. А что может загрязниться в такой странной вещи, как организм? И что является грязью для организма?

Возьму одно из самых простых определений организма из «Толкового словаря русского языка» Ожегова.

Организм – живое целое, обладающее совокупностью свойств, отличающих его от неживой материи. Он же – сложно организованное единство, целостность. Ну и: совокупность физических и духовных свойств человека.

Так сказать, цельное, без души, но с духовными свойствами и живое.

И что тут загрязняется? Да и какой грязью? Вряд ли на такой вопрос вообще можно ответить. Зато можно ответить на вопрос: что же главное, что создает этот неведомый организм из знакомых нам частей? Без чего организма не будет? Без жизни, если принять первое определение? Без целостности, единства? Или же он пропадет, если мы о теле и душе будем говорить отдельно? Последнее – шутка, удар физиологам ниже пояса. Почему? Да ведь ясно, что с возвращением душе права на существование вся теория организма разваливается и должна быть пересмотрена. Но тогда развалится и должно будет быть пересмотрено все здание Науки Физиологии.

Но ведь наши прикладники очищения работают в рамках этой Науки и, значит, исходя из ее понятий. Следовательно, мы пока не можем отменять все целиком, а должны определить, какие же понятия используются.

И вот у нас две основные черты – жизнь и единство всех частей. Это суть организма как понятия. А что в таком случае чистить? Что, следовательно, может считаться помехами организму, нечистотой, мешающей ему быть самим собой?

И получается, что помех этих опять же два вида: помехи жизни и помехи единству, целостности.

А это значит, что очищение от помех жизни – вовсе не очищение, а продление долголетия. А вот что такое помехи цельности, я даже сказать не могу. Сепаратисты, наверное... В общем, определить, что такое эти помехи, можно лишь после того, как будет дано определение понятия «цельность», сделано описание частей, которые эта «цельность» объединяет, и найдены способы объединения. И тогда все, что разъединяет части организма, и есть предмет очищения. Что-то я ничего подобного в книгах по очищению не встретил...

Ну, да и не важно. Важнее то ощущение сложности, которое складывается, когда начинаешь вот так разбираться. Как будто кто-то намеренно все запутывал. И куда проще становится, когда смотришь на человека как на одухотворенное тело. За таким взглядом много тысяч лет накоплений наблюдений, которые все отложились в живых языках. Говорить о человеке таким образом просто и естественно, но именно это и недопустимо. Кто же будет платить Науке за простоту – просто-то мы и без нее скажем! Просто-то любой дурак скажет! А вы вот попробуйте то же самое сказать так, чтобы никто не понял! Кстати, на деле, даже говоря о некой совокупности физики и духа, Физиология духовную составляющую не исследует, а чистильщики чистят исключительно тело. Правда, иногда можно встретить поучения, реже – рассуждения о том, что чистка – это явление, в первую очередь, духовное, и надо начинать с духа. Но дальше разговора о нравственной чистке такие поучения не идут.

Нравственная чистота – это тоже чистота, и о ней надо поговорить. Но чуть позже. Пока же лишь один вопрос: вы уверены, что нравственная чистота – это чистота духа? Если уверены, значит, вы в состоянии дать определение понятия «дух», причем, такой глубины, что способны показать, что же там в духе может быть носителем загрязнений. Вы уверены, что справитесь?

Ладно, оставим пока этот разговор и вернемся к телу. С телом все-таки все проще, как кажется. Если принять, что тело делает живым душа, то все помехи жизни превращаются из телесной нечистоты в то, что изгоняет душу из тела. Но если этого не принимать, то можно найти и более простые предметы для очищения. Вот, например, глядим мы на состарившееся тело и видим: в нем появились камни в органах, кальций в сосудах, токсины в клетках. Убирание их из тела и есть очищение. Заметьте, из тела! Убирать токсины из организма как-то затруднительно.

Чем хорош такой подход? Он прост и очевиден. А значит, при нем не надо слишком ломать голову, не надо думать. Чистись себе и чисти других. Кто же не согласен, что камни в теле – это инородное. А от камней и песка всего один шаг до грязи.

Но все же! Откуда здесь берется ощущение загрязнения? Почему наличие инородных образований считается грязью? Или, по крайней мере, поводом к очищению?

Да потому, наверное, что мы можем наглядно сравнить два тела – молодое и старое, и увидеть, что в старом появляется то, чего не было в молодом. Следовательно, иметь в себе камни или токсины – это неестественно. Естественно их не иметь! А раз естественно, то и желательно, тем более, что наличие подобных образований часто приносит боль. Но это все так здорово с точки зрения прикладника и больного. А с философской точки зрения это не очищение, а возвращение естественности собственному телу. Возвращение естественности – это тоже хорошо, это даже очень хорошо, но это не очищение. Мы путаем и путаем понятия.

А что же такое очищение в собственном смысле?

Словарь «Русского языка» Ожегова не знает такого слова. Зато в нем есть «чистить»:

Чистить – удалять грязь, какое-то наслоение, делать чистым.

Это плохое определение – потому что оно определяет понятие через само себя: чистить – делать чистым. Поэтому я его укорочу:

Чистить – это удалять грязь. А что такое грязь?

Там же у Ожегова даются два определения:

Грязь – размякшая от воды почва. И грязь – то, что пачкает.

Именно то, что определений два, очень важно. Грязь – мокрая земля. Тут все понятно. И грязь – то, что пачкает. Тут, наоборот, ничего не понятно. И лучше с Ожегова дальнейших пояснений не спрашивать, потому что он дальше не знает: грязнить – это пачкать, а пачкать – это грязнить. Я же для себя возьму пока понятие «пачкать» в несколько психологическом прочтении: пачкать – делать что-то такое неприятное, из-за чего потом придется затратить силы на устранение сделанного. Своего рода причинение неуютя, с которым нельзя мириться. Я еще вернусь к исследованию этого определения позже.

Так вот, для того, чтобы уверенно назвать нечто очищением, надо иметь определение нечистоты, то есть грязи. А грязь – это размокшая почва!.. Вчитайтесь и спросите себя: согласны ли вы? А если согласны, то поймите: мокрая почва – это всего лишь мокрая почва. Грязью она становится только для человека и только в его оценке. Кстати, а что оценивается? Что вообще оценивается в человеческой жизни? Да труд, труд! Наши усилия! Труд всегда имеет цену. А мокрая земля становится грязью лишь тогда и для того, кому и придется потрудиться, чтобы эту землю убрать.

Следовательно, для природы, для того самого естества, что мы избрали мерой, грязи нет. Она появляется лишь с человеком. А значит, человек ее и создает. Нет, он, конечно, не творит мокрую землю. Земля уже сотворена. Но он творит понимание этой земли как грязи. И творит через осознание ее нежелательности в каких-то частях своего мира и, соответственно, через предположение труда, который эта грязь ему обещает.

Вглядитесь, оба определения Ожегова объединились: мокрая почва – это то, что пачкает, то есть покрывает слоем, который заставит себя удалить, потому что создает ощущение неуютя. И что же такое «пачкать» в таком случае?

Пачкать – помечать нечто неуютом.

Но какова природа этого неуютя? Что разрушает грязь в нашем мире, чему она мешает?

Вернемся еще раз к тому рассуждению, что мокрая земля становится грязью лишь тогда, когда появляется некто, кто осознает ее как труд, который придется проделать. Мужик входит в дом в грязных сапогах. Баба криками и скалкой гонит его прочь, потому что он все полы затоптал. Щеголь перепрыгнул через лужу и тут же бежит за щетками и кремом, чтобы убрать грязь с одежды и обуви. Что является предметом труда и что оказывается нарушенным с помощью грязи?

Дом или облик человека? Это как кажется. А на самом деле – совершенство, которое удалось достигнуть долгими и продуманными усилиями. Откуда у нас понятие о совершенстве? Конечно, оно рождается исторически, путем множественных соотнесений себя с другими людьми через зависть, подражание и творческий поиск. Но это не осознается. Гораздо легче осознается то, что, совершенствуясь, мы воплощаем некий божественный идеал, мы точно вспоминаем нечто из тех миров, где путешествовала наша душа...

Те миры, где путешествуют души, называются Небесами, а Небеса исходно противоположны Земле... Нужно ли еще что-то говорить о том, почему грязью становится именно земля, обретающая способность прилипать к нашим подметкам?

Это любопытно, но это еще не философия, а, скорее, мифология. Философия рождается с вопроса: что же является носителем чистоты? Как, впрочем, и творцом грязи.

С философской точки зрения, способность человека пачкаться грязью означает, что он исходно чист. Попробуйте взять кусок грязи и испачкать его еще больше. Грязь нельзя сделать грязнее. А вот чистое можно загрязнить.

Заметьте, чистое, а не чистоту. Чистоту можно уничтожить, но нельзя сделать ни грязью, ни грязнее. Это понятия, они идеальны и всегда сохраняют свое естество.

Что это означает для нас с вами? А то, что раз человек исходно чист, значит, его суть – чистота. И в то же время он исходная грязь. Странно?

Смотрите сами. Без человека земля – всего лишь земля. Только человек превращает ее в грязь своим осознанием. Но это значит, что он ее пачкает. А пачкать может только грязь, и уж никак не чистота. Парадокс? Да, и не простой. Понятно теперь, зачем Науке потребовалось все запутать введением понятия организм? Если нас не отвлечь, мы ведь затребуем с нее объяснить, что такое грязь, чистота и очищение!

Я не буду пока углубляться в эти вопросы. Достаточно того, что они поставлены. Гораздо важнее, что взгляд на нечистоту как на потерю совершенства позволяет прозвучать вопросу: зачем? Зачем чиститься? Чтобы вернуть совершенство. Зачем чистить тело? Чтобы вернуть ему то изначальное его состояние, которое утрачено с годами. Зачем нравственное очищение? Зачем духовная чистота? Все затем же, все ради совершенства и возвращения Небес.

Но это культура, это то, что пришло к нам из истории от бесчисленных поколений наших предков. С этим ничего нельзя поделать, только принять. Или выкинуть из своей жизни целиком.

А что же делать тому, кто хочет понять и освоить очищение? Уцепиться за вопрос: зачем? Это вопрос не культуры, а разума. Он позволяет выстраивать задачи. А задачи тем хороши, что, будучи поставлены, они сами заставляют наш разум себя решать. Иначе говоря, если ты четко осознаешь, что нечто тебе нужно и это твоя задача, ты сделаешь все для ее решения и достигнешь цели. Это прием, облегчающий движение. Заключается он в использовании некоего устройства нашего разума, которое правит всем, что мы делаем. А выражается в том, что нас все равно нельзя заставить делать то, что мы сами не осознали своей задачей.

В жизни все упирается в вопрос: а зачем это мне?! Как много людей знают, что очищение – это полезно, что надо бы сделать очищение, что однажды они обязательно почистятся... Но потом, потом!

Почему же потом? Потому что они решают более важные задачи, для которых очищение, как и самопознание, будет помехой, а значит, тем, от чего надо очиститься. И они очищаются от очищения!...

Нет, очищение нельзя начинать с камней или песка. Его надо начинать с вопроса: а зачем вычищать камни и песок? И если будет найдено нечто действительно большое, например, решение вернуть себя, то вся остальная археология проделается с легкостью, как необременительные промежуточные шаги. Все, что мы делаем, можно решать, только превратив в задачу. А превращается оно одним простым вопросом: зачем? Простым вопросом и очень непростым поиском: а зачем действительно?

Вот и мне предстоит то же самое. Я должен поставить себе задачу.

Задача Введения в науку – поставить задачу для всего исследования. Я хочу понять, как с помощью очищения познать себя. Я гляжу на то, что представляется мне в виде очищения, и понимаю: очищение – это какая-то загадка, которая в начале очищения не решается. Возможно, ответ на нее приходит лишь тогда, когда очищение завершено. С философской точки зрения, это и должно быть так: ты можешь дать ясное определение понятия, лишь завершив его. Но если это понятие исключительно человеческое, то есть мое, то и определить его можно только завершив себя. Завершив очищение себя от всего, что является нечистотой. Достигнув совершенства.

Но если я есть творец нечистоты и чистоты в этом мире, то понятие очищения полностью совпадает с самопознанием. Ведь познать себя окончательно ты можешь, лишь отделив последнее не-я, последнюю нечистоту своего я.

Это исходная гипотеза моего исследования. Она еще не так очевидна, как хотелось бы. Но я осознанно не выстраиваю неуязвимую последовательность рассуждений. Ну должна же быть хоть какая-то интрига, то есть тайна, в том, что делаешь. Иначе нечему будет двигать мой поиск и давать мне силу. Это тоже прием. И еще один прием – идти не туда и говорить не о том. Ведь мы живем в мире зазеркалья, в мире, где времена обратили себя наничь и где, чтобы прийти к решению, надо идти не вперед, а вспять и искать сложные решения, потому что просто вообще ничего не решается.

Поэтому, я не буду решать загадки очищения. Я начну с истории, с того, что видели как очищение другие люди. В сущности, мне придется создать историю очищения. И пусть этот рассказ сам выведет меня к тем ответам, что будут естественно вытекать из исследуемого материала.

Но где, с какого мгновения, начинается история? От какой древности начинать?

Начну я с того места, где нахожусь, то есть с сейчас. И пока изучаю историю, пойду в прошлое, а при познании себя потеку в будущее вместе с этим постоянно ускользящим настоящим.

С точки зрения методологии исследования такой подход означает, что я всегда буду излагать сначала те взгляды на предмет, которые являются сегодня самыми общими и общепризнанными. Так сказать, культурой. Но для того, чтобы стать общепризнанными, им потребовалось какое-то время. Следовательно, у них есть своя история. А у нее – своя.

При этом прямо сейчас, к примеру, в Науке уже имеются взгляды, не совпадающие с общепризнанными. Это можно назвать передовым фронтом Науки. Но его я рассматривать не буду. Почему?

Потому что исследование, которое я веду – психологическое. Мне нужно понять, как сложились наши понятия об очищении, а не то, что думает об очищении Наука. Сегодня она думает одно, завтра другое, послезавтра снова себя отменяет... за ней не угнаться. А мне нужно понять себя.

Итак, то, что говорят об очищении прикладники очищения, явно сложилось в рамках медицины как отрасли знания. Но у Медицины как Науки, есть собственные представления о чистоте и очищении. И они, как кажется, относятся не только к организму, но и к тому, что Наука оставила от души – к психике.

Так что история начинается для нас с вами с современных медицин-ских воззрений.

Глава 2. Несколько слов о прикладниках очищения

Показав в предыдущей главе слабость философских оснований, на которых строится прикладное очищение, я тем самым как бы снизил и его достоинство.

Давайте расставим все точки над *i*. Говоря о философии, я говорю как бы относительно некоего абсолюта. И я надеюсь, что в этом смысле и сами прикладники очищения согласятся со мной, что они несколько ниже, чем абсолюта?

Этой шуткой я хочу сказать, что любое достоинство или значимость человека в обществе существуют не как таковые, а относительно других людей. Если говорить языком общественной психологии, достоинство – это вообще лишь знак места, которое человек занимает за пиршественным столом. Иными словами – это знак его близости к Великому князю или к тому, кто правит его миром. Миры могут быть разными и люди сами избирают, кого считать ориентиром для самосовершенствования, но достоинство прикладников не может пострадать от сравнения с абсолютом.

Оно страдает от сравнения с теми, с кем они борются за свое место. А с кем они борются?

С традиционными медиками. Впрочем, я бы лучше назвал противника прикладников Академической Медициной.

Сложившееся сегодня деление медицины на традиционную и нетрадиционную – вещь дикая и извращенная. И не в том смысле, что такое деление невозможно, а в том, что в этом делении все вывернулось наничь. Академическую Медицину, которой обучают в институтах, почему-то называют традиционной, хотя она полностью искусственна и создана за последние пару веков. Нетрадиционной же назвали медицину народную, которая вся идет из традиции, то есть от древних корней народного знахарства и целительства.

Это подмена, и я в дальнейшем не буду использовать сложившиеся имена. Я буду говорить академическая и народная. А если и употреблю где-то выражение традиционная, то как раз для обозначения народной медицины.

К примеру, прикладники очищения, безусловно, строят свои школы на основании традиционной медицины, добавляя к ним то, что им казалось разумным в академической. Первая точка, которую мы поставили: мы договорились называть вещи своими именами.

Медицина околдовала и очаровала умы современных людей. И вовсе не тем, что она действительно все знает и может помочь. Любое дело, в которое вкладывается много труда, о котором люди много думают да еще и целенаправленно исследуют, как его улучшить, развивается и совершенствуется. Совершенствуется и Медицина. Но если бы столько же усилий вкладывали в народное целительство, оно тоже было бы сегодня совсем другим. Как все виды ци-терапий в Китае, к примеру.

Нет, Медицина взяла не тем, что она действительно была значительно лучше, чем знахарство, когда возникла. Она взяла, как это сейчас говорится, агрессивной, а я бы сказал, и бессовестной саморекламой. А также уничтожением конкурентов, просто вырезанием всех, кого можно вырезать. Кто достаточно слаб, чтобы его можно было затравить или запретить.

И вот мы имеем «индустрию здоровья». Это отнюдь не промышленность, дающая здоровье, это бизнес, живущий за счет здоровья. Разница, думаю, понятна.

Конечно, есть люди в Медицине, которым удавалось освободиться от очарования, вырваться из наркотической одури и задать вопрос: что творим?! Их мало, и они не обладают даже полноценным языком для описания того, что творится в Медицине, не говоря уж о языке, на котором можно было бы хорошо рассказать об их собственных прозрениях. Они пишут об иных способах лечения и поддержания здоровья все на том же медицинском языке. И все же с них начинается возрождение науки о здоровье и освобождение от зависимостей, навязанных Медициной.

Их имена известны и их не так уж много. Все они уместаются на одном небольшом прилавке книжного магазина, посвященного целительству. Я немножко посмеиваюсь в этой книге над их языком, чтобы они начали думать о том, как высказать свои мысли по-русски. Однако я нисколько не смеюсь над их мыслями и, более того, сам во многом следую в очищении тела разработанным ими приемам. Вот мое отношение к тому, о чем идет речь в этом разделе.

Чтобы показать, что такое освобождение от медицинской зависимости, я приведу несколько строк из книги Надежды Семеновой «Счастье жить в чистом теле». Я считаю эти ее мысли исходными для понимания всего русского целительства, занимающегося очищением. Иными словами, я принимаю только то целительство, которое вырастет из сказанного ею, как из корня, пусть и не упомянутого в других работах.

«В России, как и в большинстве стран мира, нет науки о здоровье.

В здравоохранении – специалисты по болезням. В науке о питании отсутствует нормальная физиология пищеварительной системы человека.

Два института пищевой промышленности выдали мне свои дипломы. Я инженер-химик пищевой промышленности. Девять лет в аудиториях институтов, двадцать лет в цехах и лабораториях комбинатов пищевой промышленности убедили меня только в одном: выпускники пищевой промышленности абсолютные невежды в вопросах питания человека.

В самом деле, химик-пищевик никогда не изучает “технология” переработки пищевых продуктов в желудочно-кишечном тракте. Химик-пищевик не знает оптимального режима переработки пищевых продуктов внутри человека, в его собственном химическом комбинате – желудке, кишечнике. Изучая процессы и аппараты вообще, химик-пищевик не имеет ни малейшего понятия об аппарате собственного пищеварения.

В пятидесятилетнем возрасте я получила диплом о медицинском образовании, вызубрила и “сдала” диетические лечебные столы.

Люди добрые, как человек, как химик-пищевик, как медик, как аюрведист скажу одно: диетическое питание – это еще больший абсурд. А специалистам-диетологам давно пора провалиться под землю от стыда за то, за что они еще получают деньги.

Наука о питании и промышленной переработке пищевых продуктов – это система медленного и постоянного убивания человека с беспощадным вытряхиванием карманов и у здоровых, и у больных. В нашей России есть только две линии бизнеса. **Первая** – изготовление и продажа пищи, делающей здорового человека больным, и **вторая** – лечение уже больного от пищи человека. Все остальные виды занятости обслуживают этих двух супербизнесов.

Откуда же берутся врачи, охраняющее здоровье только наукой о болезнях, откуда же берутся пищевики, создающие блюда, разрушающие пищеварительную систему человека в целом...» (Семенова Н. А., Счастье жить..., с. 4–5).

Вот как видят Медицину думающие целители. В этих словах Надежды Алексеевны Семеновой я читаю чисто философское сомнение в правящем миром «научном» мировоззрении. Они гораздо более научны, чем те «научные» взгляды, что бездумно насаждаются и принимаются бесчисленными сторонниками Науки. С них может начаться исследование. Они позволяют поставить следующую точку над i.

Большая часть прикладников очищения – это врачи, получившие академическое образование, опробовавшие на своем опыте все, что есть в Академической Медицине на интересующие их темы, и расширившие свой арсенал за счет традиционной, народной медицины. Вначале это был лишь исследовательский интерес, и лишь все тот же опыт – единственное истинное основание науки – убедил их, условно говоря, поменять свой знак. Из академического медика, по преимуществу допускающего возможность использования народных средств, они превратились в народных целителей, не отрицающих важности находок, сделанных академической Наукой. Вот этот переход и поставил их в условия, где возник вопрос об их достоинстве и значимости в обществе. Точнее, и в обществе, и в сообществе медиков.

Война Богов. Медики, сторонники официальной Медицины, почти мгновенно почувствовали измену и начали оказывать воздействие на своих непутевых братьев и сестер. Первый уровень педагогики всегда примерно такой: да кончай ты всякой ерундой заниматься! А если это тебе лично нравится, ну, будь чудаком, но не выпячивай ты собственную глупость.

В общем, вначале любого изменника встречают легкие насмешки и пожимания плечами. Задача сообщества заставить искателя принять роль местного шута: мол, меня считают чудаком, да я и не против. Лишь бы не мешали. И не травили.

Если человек принимает положение шута, то впоследствии к нему будут ходить лечиться и его товарищи, и даже начальство. Даже медицинское начальство – это всего лишь люди, которые болеют. И отличает их от нас лишь то, что они гораздо лучше нас знают ограниченность своей Науки. И им гораздо хуже нас – мы-то можем кричать, что Медицина ничего не может и не умеет, а они вынуждены беречь лицо и всех убеждать, что их богиня всесильна. Поэтому им и лечиться надо и помалкивать. А значит, лечиться в сложных случаях они могут только у своих, кто не проболтается, а при этом умеет что-то такое, чем остальная медицина уже не владеет.

Вот для таких целей сообщество и отводит изменникам место шута. Это вполне официальное и крайне необходимое место, но... очень низкое, даже унижительное. Принимать или не принимать его – это тяжелый психологический выбор. И находится много таких врачей, кто не согласен выступать в роли местного шута.

Эти врачи делают следующий шаг – они заявляют о своем подходе, как о конкурентноспособном методе лечения. И тем самым они становятся врагами официальной Медицины. Конечно, кто-то из их бывших друзей продолжает их поддерживать, а кто-то из медицинского начальства или светил медицинской Науки даже снисходительно помогает, так сказать, благодетельствует. Но это все на личном обаянии и личных связях, а в целом официальное отношение к ним вначале было травлей.

Почему так? Да потому что бывший врач, решивший стать целителем, по сути перешел в стан врага. Ведь народная медицина веками уничтожалась, чтобы освободить место для новой Владычицы. И вдруг кто-то требует признать свои ошибки. Боги этого не любят, особенно по требованию простых людей. Да к тому же никакой ошибки и не было. Вопрос ведь не стоял о том, лечат или не лечат народные средства, вопрос стоял о том, кто будет владеть этим миром. Наивные бывшие врачи – теперешние целители – предлагают объединить все действенное под одной крышей, создать факультеты и кафедры народной медицины и придать им официальный статус. Иначе говоря, они предлагают победителю сделать уступки поверженному и растоптанному врагу. Совсем дураки!

Боги, как и политики, признают только силу и силовые требования. Зачем уступать хоть что-то тому, кого можно уничтожить, добить до конца?! И как не уступить там, где уступку все равно вырвали силой?

Народной медицине удалось добиться хоть каких-то прав только после того, как родилось собственное сообщество, в которое вошло множество людей. Сообщество – это сила, и официальная Медицина вынуждена была это признать на уровне бумаг и печатей. А если бы она этого не сделала, ей бы это указали сверху, куда через ее голову обратилось бы молодое

сообщество. Власть не имеет права не учитывать жизненные потребности даже новорожденных Богов – они ее оплот. Благодаря им она удерживается.

Что это все значит для нас? Если продолжать развитие образа расставления точек, то есть названия всего своими именами, то прикладникам очищения надо четко определиться, к какому сообществу они принадлежат. Отрыв от материнского сообщества – болезненная операция, – слишком много целей было построено в связи с ним. Но сидеть между двумя стульями еще хуже. Смените цели и просто займитесь своим делом и своим сообществом. Ведь если вопрос о достоинстве и уважении, то речь идет о достойном месте в сообществе. И во всем обществе. Займите достойные места в сообществе Народной медицины, и вас тут же начнут принимать и Власть и руководство медицинского сообщества – вы человек из другого государства, но важный человек, уважаемый... Вот и весь психологический фокус.

Теперь, что касается моего исследования, то есть того, что я как бы снизил значение той теории, которую кладут прикладники очищения в основание своей работы. Давайте сравним этих людей с теми, кого они покинули и кто над ними высокомерно посмеивался, как над чужаками.

Высмеивание – это древнейшее орудие народной или традиционной педагогики. Именно так общество уравнивает всех своих членов, делая их управляемыми, а жизнь справедливой. Иными словами, человек, как общественное животное, чуть ли не на биологическом уровне владеет приемами психологического воздействия, позволяющими ему жить спокойнее. По сути, это и есть присутствие сознания Божества, которым является любое сообщество. Но мы сейчас привычно называем его общественной психологией, проявляющейся в общественном мнении.

Как бы это ни называлось, но высмеивание и уравнивание под общий ранжир всех, кто высовывается, есть признак биологического сопротивления телесной жизни по отношению к Разуму. Разум полезен и опасен одновременно, ведь он заставляет менять устоявшуюся жизнь. А кто может заранее предсказать, к чему поведут перемены?! И вот, стоит вам начать думать, как ваше окружение превращается в «биомассу» – улей или муравейник – и начинает загонять нас в привычные рамки, делая понятными и управляемыми. В сущности, таким образом общество опускает нас, делает опущенными. Но опущенность – это сила, как пребывание в самой низкой точке.

С тем, кто опустился до грязи, ничего нельзя сделать, разве что убить. Дальше фронта не пошлют, ниже грязи не засунут! И все те, кто высмеивает новое, – они есть грязь.

Но не спешите их за это презирать и ненавидеть. Наличие грязи в обществе – признак его жизнеспособности. Ведь именно грязь сохраняет привычки, обычаи, нравы – то есть те самые традиции, из которых складывается культура. Грязь нужна обществу, чтобы выживать, и нужна Разуму, чтобы испытывать новое на жизнеспособность. Если вы не смогли вырваться из окружающей вас био и социо-грязи, значит, ваши открытия не стоили того, чтобы ими жить. Да и вы лично не годитесь на роль человека, за которым стоит идти. Как идти за тем, чьи ноги залипли в грязи, и он никак не может их вытянуть, чтобы сделать шаг?!

Для нас же с вами такое видение мира очень важно. Во-первых, оно сразу расставляет все по своим местам: прикладники очищения, конечно, не дотягивают в своих построениях до философского созерцания, но они, безусловно, пошли гораздо дальше своих бездумных коллег с высшим медицинским образованием. И теперь вопрос стоит о том, чтобы сделать следующий шаг – понять и осознать, что же такое прикладное очищение с точки зрения устройства мира и человека.

А во-вторых, и здесь кроется множество ответов и подсказка, куда же им идти дальше, – приглядитесь к тому пониманию грязи, которое наметилось в этом моем рассуждении. Грязь – как приспособление человечества к выживанию в сообществах, грязь – как сознание Богов,

увязывающих нас в сообщества, грязь, как среда, испытывающая Разум на жизнеспособность, и обеспечивающая наше выживание в меняющемся мире...

Если придется бороться с такой грязью, то что такое очищение? Похоже, этот вопрос заставляет понять себя.

Впрочем, не буду забегать вперед. Сначала о том, что нас еще удерживает в привычном состоянии сознания.

Например, о Медицине и ее божественных помощниках – Гигиене и Санитарии.

Глава 3. Медицина

Современный человек живет совсем не в том мире, в каком жили наши предки. Их мир был необозримо больше и богаче, хотя жизнь и была труднее и опаснее. Боги, которым они поклонялись, были словно бы меньше, ближе и доступнее, – те же люди, только с большими возможностями. Если, конечно, не считать единым и высшим Богом той поры саму всеобъемлющую Природу.

Дети Богов, пришедшие на смену Богам наших предков, оказались одновременно заботливее и бездушнее. И они потеряли человекоподобность, они попросту невидимы. Главное, что они нам дали, – это сытость и иллюзию покоя и порядка. Но при этом они затребовали пожертвовать многим из того, что мы считали собой. Это подобно путешествию в иной мир на страшной птице Маговее, о которой рассказывают русские сказки. Когда птице не хватает сил, чтобы обеспечивать движение вперед, именуемое прогрессом, она требует кусок тебя и считает его самой сладкой пищей. В действительности требуется сократить свои потребности и пожертвовать ими.

Вот и наше понимание очищения подобно обедняющемуся животному миру Земли. Постепенно мы изгоняем из своего мира все большее количество животных, тем самым сужая видовое разнообразие. И в отношении очищения мы все еще понимаем его в том значении, которое приписывает ему Гигиена как раздел Медицины. На бытовом уровне это сводится к умыванию, чистке зубов и ушей, использованию чистящих средств и стиральных порошков, а также к протиранию спиртом прыщей и кожи перед уколом.

Мы как-то не задумываемся о том, правильно это или не правильно, хорошо или не очень. Так сложилось, и пусть еще будут благодарны, что мы хоть эти-то меры гигиены соблюдаем. Ну и снисходительно смотрим на разных чудаков, которые занимаются каким-то очищением организма. Знать бы еще, что это такое! Мы тупы и бездумны, словно запутавшаяся в паутине муха, которой уже впрыснут яд. Точнее, паучий желудочный сок, чтобы приготовить из мухи живой и легко доступный запас питательных веществ. Думать трудно и не хочется. Думать почти так же тяжело, как просыпаться внутри сна и осознавать себя спящим. Для этого нужно делать слишком большое усилие... Но если все-таки попробовать?

Например, сбросить сонную одурь и задуматься о том, что такое Медицина? Что такое эта великая спасительница человечества, которую стоит именовать с большой буквы. Вас ничто не настораживает в ней? Ну, хотя бы то, как мы стали от нее зависимы, или то, как много появилось людей, особенно среди тех, что постарше, живущих лишь для того, чтобы давать работу медикам и приносить сверхприбыли индустрии лекарств. Нет, я говорю не о тех, кто вынужден лечиться, а о тех, кто хочет лечиться и ощущает себя неудобно, если не может найти у себя какой-нибудь болезни.

Вы думаете, они сами виноваты? А я подозреваю, что это искусственно созданная ловушка, вроде мифа о коммунизме. У людей долго и целенаправленно вырезали способность заботиться о себе. Их приучали нести свои болезни тем, кто этим живет. И большая часть человечества сдалась и отказалась от того стержня, который обеспечивал первобытному человеку выживание. Куда же делась эта сила? Ушла в Медицину, сделав невозможным существование этого мира без нее. Без кого?

Думаю, без одной из новых Богинь.

Война Богов. Медицина – это всего лишь имя для какого-то великого существа, которое воплощается с нашей помощью. Мы считаем, что Война Богов отошла в прошлое вместе с древнегреческой мифологией. Но это не так.

Битва Богов продолжается, она идет прямо сейчас, и мы в ней участвуем и своими душами, и сознанием, и даже телами. Но бездумно

и бесчувственно. Почему? Потому что, с одной стороны, происходящее слишком величественно, слишком велико для нашего восприятия. Даже если бы эти существа были размерами с тучи, нам уже было бы сложно видеть их действия. Но они гораздо больше. А с другой, потому, что смертным увидеть не можно бога, когда, приходя к ним, он хочет остаться невидим...

К тому же они воплощаются не во что-то внешнее, а прямо в наши тела, точнее, в тела сообществ, которые собирают для своего воплощения. И чем больше Бог, тем больше ему для воплощения нужно телесной массы, тем большее сообщество он собирает.

Но и это, похоже, не все причины нашей слепоты. Я подозреваю, что захват тел возможен лишь при замутненном сознании. Человек в ясном сознании является свободным Духом, и его очень трудно подчинить даже Богу. Сначала сознание надо обработать, в него надо впрыснуть яд или наркотик. Под наркозом мы податливее! Кстати, сами и впрыснем.

Великая Битва Богов последний раз началась на этой планете как Научная революция. Новые, молодые Боги, именовавшие себя Науками, свергали старых – и в первую очередь, Религию. Еще триста лет назад Религия была основной опорой Власти, а теперь ее место занимает Наука, а точнее, сообщество Наук. Когда-то Медицина была просто Медициной, мелким божком древних греков и римлян, сильно уступающим Знахарству и Целительству. Но в хаосе революции она разыграла удачную карту, объявив себя сторонником нового режима, полностью сменила одежды и стала научной. С тех пор начался стремительный рост Медицины.

Революции, в том числе и научные, происходят не тогда, когда одним людям хуже жить, чем другим, и с ними надо поменяться местами. Революции как-то связаны с главной задачей человеческого существования, которая, как я подозреваю, проявляет себя через Разум.

Разум должен развиваться. Но на его пути постоянно встает помехой побочный продукт его собственной деятельности – мышление. Мышление – это всегда омертвелое усложнение образов разума. Оно выражается в этикете, правилах поведения, морали, нравственности и вообще в переусложнении и утонченности, из-за которых нечто становится делом лишь избранных и недоступно толпе. То есть всем разумным существам.

Эта переусложненность и утонченность называется культурой или, по-русски, обычаем. Самое страшное, что не только какие-то правила поведения закрепляются намертво, когда рождается обычай. Но к нему примертвляются и носители этого обычая. Причем, примертвляются приживлением, то есть через рождение. Любой сильный обычай создает вокруг себя сообщество, обладающее силой. А это власть и сытость в мире. Люди склонны закреплять за собой такие кормушки, делая их своими родовыми местами или уделами. Иначе говоря, передавая их по роду.

В итоге носители переусложнения Разума становятся от рождения особым сообществом, которое мешает развитию Разума. Если такое сообщество велико, – как, к примеру, аристократия, родовитые люди, – развивающийся Разум сносит их с помощью тупой, бездушной толпы, которую использует как волну. И это отнюдь не Разум пропагандистов революции. Они, как ни странно, столь же бездумны, как и толпа. Они тоже лишь исполнители, но более чувствительные, слышащие зов.

Таковы странные законы развития Разума. Он сносит все устарелое и омертвелое, что мешает выживанию, как весенняя вода запруды. Но под видом такого паводка слуги Разума, революционеры, сносят и то, что в старом было разумной основой. Если разумная основа не выживает, побеждает не Разум, а новая мертвечина, а Разум должен снова приниматься за работу.

Война Богов. Революционеры безжалостны и беспощадны к своим врагам. В этом смысле Медицина – не исключение. Как одна из победивших в научной революции Наук, она ведет настоящий геноцид против народной культуры, производя уничтожение всего неудобного. Об этом знают все, это общее место. Даже люди далекие от Медицины знают и поддерживают ее в этой борьбе. Иногда это доходит до смешного и жуткого одновременно, как рассказы о Павлике Морозове, которого сделали героем советской мифологии и примером для всех юных пионеров за то, что он выдал коммунарам на смерть собственного отца. Вот, к примеру, кусочек из статьи известного советского этнографа, а значит, и культуроведа С. А. Токарева.

«Знахарская практика – один из самых устойчивых, мало меняющихся видов человеческой деятельности: она знакома всем народам и существует на всех ступенях общественного развития. Даже в наши дни научная медицина, еще не одержавшая окончательной победы над болезнями, не может вытеснить знахарства – особенно там, где врачей мало.

Ввиду устойчивости своей материальной основы лечебная магия и сама оказывается чрезвычайно косной: приемы знахарского лечения почти одни и те же у австралийцев и у народов Европы. Эта форма обрядов и верований на всех ступенях развития остается тесно связанной со своей основой – народной медициной – и не может от нее оторваться» (Токарев, с. 134).

Этот шедевр в духе Павлика Морозова был создан в 1956 году. Во время «Хрущевской оттепели». До и после были гораздо более страшные времена. Но даже тогда это звучит жутко, особенно когда видишь за этим миллионы людей, все еще сидящих по лагерям, где верная служанка Власти Медицина никак не может «одержать окончательной победы над болезнями» и инакомыслием!

А ведь это пишет человек, который сам живет за счет как раз этих самых «традиционных форм культуры», как тогда говорили. Человек, который должен был бы обратить внимание на удивительную повторяемость приемов и объяснений знахарства по всему миру. Обратить внимание и задуматься.

А потом, вероятно, начать бить тревогу по поводу того, что дорвавшаяся до власти Наука уничтожает что-то очень, очень важное! Что-то, без чего, возможно, будет разрушен если не озоновый слой и не экология, то уж по крайней мере ноосфера Земли. Ее духовная защитная оболочка, если не сама Душа.

Эта резня осуществлялась руками честных тружеников – простых и бездумных наших медиков. Рыцарей без страха и упрека. Вроде русских уездных врачей, которые шли в народ, разъезжали по деревням и искореняли суеверия. Их заманили на мечту о высоком, светлом, прекрасном, и они стали бездумно-жестокими орудиями политической бойни, которую русская интеллигенция устроила собственному народу.

При этом вряд ли кто-то из врачей или теоретиков Медицины задумывался, что они воюют не просто с суевериями и мракобесием, а с Культурой. И уж тем более мало кто из служителей Медицины, даже принося ей клятву верности, которая называется клятвой Гиппократова, видит, что служит капризной и не такой уж простой и понятной Богине. Богине, которая имеет и свои скрытые от простых почитателей цели. И цели эти явно связаны с захватом мира, по крайней мере, с отвоением какого-то его кусочка, который все равно не нужен Верховным Богам или Вседержителю.

Медики, бесспорно являющиеся одними из самых беспощадных и необузданных религиозных фанатиков, страшны тем, что во имя Гигиены или «здоровья нации» они готовы идти даже на личные жертвы. Причем, так было во все времена, даже в те, когда применялись сред-

ства и методы, однозначно признанные современной медициной ненаучными и даже вредными чуть ли не больше, чем безопасные теперь народные суеверия. Как вы понимаете, подобная историчность медицинских средств говорит не о том, что уже в ближайшем будущем все самое современное, что применяет сегодня Медицина, будет признано отсталым, а то и варварским. Нет, это говорит о другом, о гораздо более страшном явлении.

Война Богов. Медики, круша все чуждое им от лица Науки и Медицины, постоянно не правы, постоянно находятся в состоянии устаревания, но это их нисколько не отрезвляет, не заставляет задуматься и стать мягче или терпимее. Каким-то образом само право вырезать все иное, немедицинское так важно для них, что они не позволяют себе задуматься и впустить в души сомнение. Вот это и есть главный признак религиозного фанатизма или отравления сознания божественным ядом.

Но что такое этот «религиозный фанатизм» с точки зрения психологической? Это же не просто способ поставить на ком-то клеймо или навесить ярлык. Я говорю об этом затем, чтобы даже от зависимости от Медицины можно было освободиться, не потеряв того, что в ней является стоящим. Иными словами, выздоровление от этой своего рода наркотической зависимости является задачей, и ее как-то надо решать.

Задачи **освобождения от ловушек** решаются с помощью понимания устройства этих самых ловушек. Если приглядеться к тому, что делает медик, то можно увидеть, что его жизнь посвящена делу воплощения истинной Медицины на Земле. Иными словами он всегда работает на вполне определенную цель – он насаждает Медицину и Гигиену. Вот в наличии вполне определенной цели и скрывается устройство ловушки.

Конечно, не всё. Но это уже позволяет начать поиск. У Медицины есть цель захватить этот мир. Заметив, как успешно продвигается к вершине Олимпа другая божественная захватчица по имени Наука, Медицина решила воспользоваться чужой силой и очень удачно объявила себя научной. И вот миллионы фанатиков по всему миру, точно христианские миссионеры или мусульманские муджахеды, завоевывают Медицине все новых почитателей, безжалостно вырезая конкурентов. Причем, не потому что Медицина так приказала, а потому что жестокая Наука объявила конкурентов Медицины ненаучными шарлатанами! А Медицина ни при чем, она же сама доброта!

Война Богов. Итак, цель Богини – захват мира. А почему люди столь охотно и преданно ей служат? Ведь никаких действительных доказательств того, что медицинские средства отменяют народные, у них нет. Да, действительно, медицинские средства порой оказываются действеннее для решения тех задач, для которых они действеннее. Но ведь и народные были действеннее для решения своих задач! Хуже того, Наука постоянно мстит Медицине за использование в своих интересах понятия «научности» и показывает, что все средства Медицины – ненаучны и отсталы. И Медицина вынуждена быстро-быстро вводить у себя нововведения, чтобы угнаться за Наукой. Это называется палка о двух концах. И вводит она эти нововведения руками и умами все тех же медиков, то есть своих последователей. Как же при этом получается, что эти медики не приходят в сомнение? Ведь вот только что осуждали суеверия с одних позиций, а уже приходится осуждать с других, потому что сами эти позиции осуждены!

А они точно и не замечают, что если ты осудил как неверную какую-то собственную позицию, которую занимал в споре, то тем самым ты не просто нашел новую верную, но и признал неверным все, что утверждал ранее. Иначе говоря, как только был первый раз произведен пересмотр медицинских

взглядов, все осуждение народной медицины должно было быть признано неверным. Такова логика рассуждения.

Но вот чего в Медицине нет и требовать не стоит, так это логики. Медицина – это женщина, и логика у нее простая: может, это и нелогично, но очень хочется, а потому будет так! И не сбивайте меня с мысли своими мужскими заигрываниями, я и без вас запутаюсь!

Этим я хочу указать на один парадокс: Медицина пересматривает себя с научных позиций чуть ли не каждое десятилетие. Точно женщина перед зеркалом. И что является лейтмотивом всей современной Медицины – так это постоянное нытье, что ей не хватает средств на то, чтобы соответствовать требованиям сегодняшнего дня! Или моды... Я думаю, это замечали все, даже люди совершенно далекие от медицины. Медицина – самая непостоянная из Богинь, ей все время нужно чего-то новенького, чего-то как у соседок, чтобы быть не хуже других!

Но вот что поражает, так это постоянство отрицательного отношения к врагам, то есть ко всем видам народной медицины. Как бы ни менялись взгляды медиков на свое поприще, как бы они сами не опровергали себя, свое прошлое или друг друга, стоит зайти речи о знахарстве или целительстве – и они дружны и однозначны. Это должно быть изгнано из мира, где есть Медицина! А уж если оно не изгоняется, тогда оно должно занять место в людской или в чуланчике для прислуги. Кто-то же должен обметать знатной даме сапожки...

Кстати, основное орудие уничтожения инакомыслящих в Медицине – это объявление их шарлатанами. Очевидно, потому, что самих медиков во все века считали шарлатанами. Однако любой здравомыслящий человек видит, что многие средства, применявшиеся народом, действенны. Я уж не говорю о травах, которые, безусловно, не так вредны, как химические лекарства – тяжелая артиллерия Медицины, завоевавшая ей господство, – но кроме трав было же и множество такого, что можно назвать условным именем «психотерапии». Кстати, переводящимся на обычный язык как «лечение души», то есть чего-то, что Медицина вместе с Наукой вытравливает из мира. Так вот, что любопытно, обвиняя врагов в шарлатанстве, Медицина тут же создает своих шарлатанов, чтобы они заняли места убитых ею вражеских умельцев.

Что мы знаем о колдунах и их способах воздействия на сознание? Да почти ничего! А что мы знаем о господине по имени Гипноз? И о том, как он работает? Да почти столько же! Медицина относится к нему с презрением, как к французскому цирюльнику при дворе знатного вельможи, но зато как удобно: стоит произойти чему-то, что Медицина не понимает, тут же все принимаются кричать: Гипноз! Гипноз! И всем становится хорошо, потому что неведомое получило имя, а имя это принадлежит придворному шуту, который совершенно неопасен. Этакий прием первобытной магии – как только увидел нечто действительно ужасное, назови его именем своей комнатной собачки, которую не боишься, и тебе сразу станет легче. Психотерапия, например. Не знахарство!

Так вот, это все было описанием явления, а теперь вопрос: разве сами медики не видят всех этих странных несоответствий? Конечно, видят, они же не дураки, они же у нас умницы, как им нравится называть друг друга. Тогда почему же они продолжают не просто служить Медицине, помогая ей достичь ее Цели, но и продолжают столь же фанатично уничтожать

все чужое и инородное?! Чужое и инородное ей, этой иностранной даме, а не себе, заметьте. Ведь этот самый медик, который возглавляет гонения на народные суеверия, мог быть совсем недавним выходцем из того же народа. Да и сейчас, прежде чем поступить в медицинский институт и позволить себя бесповоротно зазомбировать, дети эти росли в обычной семье, где никак не могли знать, что медицинские средства однозначно лучше народных. Это убеждение должно было в них как-то родиться и устояться.

Как психолог, я могу сделать лишь одно предположение: человек не видит того, что он не прав, или того, что осужденный им на смерть, может быть, и не виноват, лишь в том случае, если ему выгодно этого не видеть. Иными словами, Медицина как-то платит своим фанатикам за их фанатизм в достижении ее цели. И платит так дорого, что это окупает все, даже потерю человеческой души. А уж то, что бездушнее места, чем наши больницы, не стало, мне убеждать не надо, я думаю. Каждый так или иначе пробовал больничную душевность на собственной шкуре.

Кстати, если кому-то и удастся в медиках сохранять душевность, так это, скорее, против требований Медицины, по личной предрасположенности. Медицина же сейчас – это больше технология, чем целительство. К тому же технология капиталистическая, потогонная, выматывающая и иссушающая душу медика. Уж кто умеет эксплуатировать своих слуг, так это Госпожа Медицина. Труд на Медицину – кабала и постоянная жертва в силу тех требований, которые заданы сверху. Но с какого Верху? Из министерства? Или возьмем повыше, посмотрим туда, где скрывается Хозяин самой Медицины?

Во всяком случае, медикам в Медицине вовсе не хорошо. Их уловили, улучили на какие-то обещания, ради которых они поклялись служить. Но обещания не выполняются, они обманом оказываются в рабстве, прикованными к своему рабочему месту, точно к веслу в галере, и при этом продолжают преданно верить в свою Госпожу и осуждать ее врагов. Чем она их купила? Что такого имеет медик в этом мире, чего не имею я?

Я оставляю этот вопрос для вашего решения, но сделаю свое предположение. Медицина дает своим последователям власть. Дикую, неизмеримую власть, причем, не просто над другими людьми, а над их душами!

Медик обладает правом заставлять людей повиноваться себе. Это все знают. Даже начальство, даже царь или президент не обладает такой властью. Представьте себе последнего самодержца всея Руси Николая Второго. Как, по-вашему, если бы вы пришли к нему, смог бы он заставить вас раздеться? А показать гениталии?...

А врач, причем, любой, даже полное ничтожество, может. И без труда. Ладно бы он был такой личностью, как Николай Александрович, нет, этого не требуется. Если ты присягаешь на верность Медицине, она наделяет тебя магической силой, и с помощью этого волшебства ты можешь преодолевать силу Культуры и Нравственности – Богинь, правивших Землей до Медицины. Ты одним мановением своего волшебного молоточка или стетоскопа пронзишь их силовые поля, и душа пациента пойдет за тобой, точно душа Эвридики за любимым Орфеем.

Красиво? Не обольщайтесь. Если бы это было ради красоты, мы бы имели прекрасный мир, благодаря Медицине. А пока все, что я знаю об этом праве отменять Культуру и приличия, вопиет о множестве унижений и боли, которые причиняют бездушные медики, унижая и заставляя унижаться пациентов. Вспомните хотя бы о принудительных осмотрах девочек гинекологом. А ведь это упражнение в унижении введено как обязательная прививка для всего скота подружкой Медицины Образованием во всех наших школах.

Нет, эта способность повелевать душами дарована медикам их госпожой не ради их величия, а ради своих целей. Каких? Кто же знает душу Богини! Она – потемки. Но если благодаря этому разрушаются связи Культуры и Нравственности, то можно предположить, это и было целью. Ведь ослабление этих связей – это ослабление конкурентов, а значит, усиление себя и обретение возможности занять их места и захватить принадлежавшее им в этом мире.

Думаю, не все так однозначно с Медициной и с Гигиеной. Не так однозначно, как внушают нам они сами, и не так однозначно, как это видится с другого полюса, куда может отшвырнуть меня маятник недоверия. Но вот что однозначно, так это то, что их тоже стоит изучить, точнее, стоит разобраться в том, что же они понимают под очищением. И почему их понимание таково, почему оно обедняет нашу культуру и наше сознание, почему оно словно бы призвано лишить нас иных возможностей, иных путей и даже иных миров?..

Глава 4. О методе исследования божественных сущностей

Вся эта глава посвящена Войне Богов, и я, прежде чем перейти к дальнейшему исследованию, хочу сказать такую вещь. Ни один из Богов не мог бы выжить в мире, где Вседержителем является Разум, если бы не постарался принять разумный облик.

Иначе говоря, как бы строго я не осуждал какую-то из наук, как бы ни выставял на всеобщее обозрение ее странности, уже одно то, что она живет, однозначно свидетельствует о том, что в ее основе имеется разумное ядро или, если поглядеть на это с другой стороны, в ней обязательно есть нечто, что соответствует действительности, а значит, позволяет ей быть действенной.

Это ядро соответствия действительности стоит обсудить особо, потому что без понимания его и того, что с ним связано, невозможно понять и мое исследование психологии этих явлений.

Так вот, на первый и поверхностный взгляд может показаться, что я противник так называемой Научной Медицины, а с ней и Гигиены с Санитарией, хранящих все знания Медицины об очищении. При этом кто-то может принять мою точку зрения, а кто-то не принять и стать ее противником. И тогда получится, что мы разделились на два противоборствующих лагеря, например, сторонников традиционной и сторонников нетрадиционной медицины. И эти лагеря стремятся уничтожить друг друга, обеспечивая победу собственному Богу.

Эта война возможна как раз в том случае, если не понята роль того самого «ядра соответствия». Оно есть в основе и Научной Медицины и Народной. И при этом, защищаясь, сторонники любой из них могут привести как довод в защиту своей госпожи именно то, что в ней же есть разумное ядро и соответствие действительности.

Давайте отбросим этот уровень рассуждения и попробуем вместе подняться над ним. Вместе потому, что мы все в одной ловушке, мы все улечены и попали в услужение какому-то сверхсуществу, именующему себя Божеством, Медициной, Наукой или как-то еще. И нам надо биться не за них, а за себя. Иначе говоря, мы вполне можем перестать быть бездумными орудиями и превратиться в хозяев этих орудий, использующих их разумно и по собственной воле.

Так вот, первое, что нужно понять, это то, что наличие ядра соответствия действительности не является заслугой ни Медицины, ни ее подручных. Это необходимое условие их выживания. Не будь такого ядра, люди бы их выкинули из своей жизни. Поэтому все Науки, чтобы не выглядеть явно враждебными человеку, создают в себе эту часть как средство управления людьми. При этом это только для нас такое ядро является сутью и основой Науки, поскольку мы смешиваем Науку как существо-сообщество с наукой как средством познания. А что является главным для нее самой, вы не задумывались?

Так давайте задумаемся. Для начала попробуйте приглядеться к любой Науке на ваш выбор, хоть к той же Медицине, и вы быстро различите, что в них всегда есть две части. Одна из них подается нам как главная – это так называемая «передовая», или «здравая», часть, например, Медицины. Я надеюсь, что такие привычные и естественно принимаемые нашим слухом выражения, как «вся передовая медицина» или «отсталая медицина такой-то страны», вами узнаются. А что они значат?

Да то, что раз есть передовая и отсталая Медицина, значит, в Медицине есть две части, одна из которых постоянно обновляется, а вторая отстает. Но забудем о «прогессе» как об улучшении и поймем, что исходно «прогесс» – это всего лишь перемещение из того места, где ты был, в новое. Иными словами, прогрессивный – это не лучше, а продвинутое, то есть не такой, как отставшие, или не такой, как был до этого.

Постоянно менять свой облик, как это делает Мода, в природе свойственно тем, кто либо охотится на других, либо прячется и хочет, чтобы его не рассмотрели. Так что «прогресс», насаждаемый в Медицине или Медициной, это какая-то хитрость и соответствие то ли моде, то ли требованиям времени, то ли задачам выживания в определенной среде. А отсталость – это верность хоть каким-то устоявшимся традициям. Так что те врачи, которых обзывают ретроградами и консерваторами, возможно, всего лишь утомились от постоянной гонки за подвешенной перед носом морковкой и хотят спокойно осмыслить то, что уже имеют. А заодно – просто лечить больных проверенными средствами.

Как бы там ни было, но эти две части определенно есть в Медицине, и они не случайны. А нет ли в ней еще каких-то частей?

К примеру, той части, которая занимается ее жизнеобеспечением, что для нас означает выживанием. Вдумайтесь сами: мы глядим на Медицину или глазами больных или глазами врачей, а какими глазами глядит на себя она сама? К примеру, возможен ли взгляд на Медицину глазами чиновников? И собственных, Медицинских, вплоть до министра здравоохранения, и внешних, государственных, вплоть до президента? А если возможен, то он совпадает с нашим или он иной? А если иной, то какой иной?

Как только вы поймете, что такой взгляд не только возможен, но и существует, вам станет ясно, что существует и собственный взгляд на себя самой Медицины. И он гораздо ближе к взгляду чиновников, чем к нашему с вами – пациентов и медиков.

Кстати, есть и взгляды кровососов, паразитирующих на большом теле нашего божества, и взгляды ее врагов, которые рады были бы уничтожить ее целиком, хотя бы затем, чтобы победить нашу страну, ослабив здоровье народа. В общем, подымайтесь от взаимного противоборства и давайте думать.

А для этого еще раз приглядитесь к разумной части Медицины и поймите, что для нее эта разумная часть всего лишь хитрость, орудие приспособления к нашему миру, миру разумных людей, а значит, это всего лишь перья или шкурка, которой она очаровывает нас с вами. Само же ее тело находится там, где хранятся ее жизненно важные органы. Без больниц и врачей Медицина возродится, а вот без этих органов она развалится на множество врачей и целителей, которые будут лечить людей, но не будут составлять ее тело. Иначе говоря, уничтожь сейчас кто-то главные органы медицины, мы все равно будем лечить и лечиться. Но будет так, как было до ее появления в нашем мире, а вовсе не пусто и безнадежно.

И что особенно важно понять, так это то, что при таком уничтожении ее величества мы сами сохраним то, что в ней разумно. Почему? Да потому что оно имеет к нам отношение. Пропадет как раз то, что остается сейчас за этим ядром соответствия действительности и, кстати, чаще всего за границей нашего видения и восприятия.

И это вовсе не чиновники или управление. Нет, мы вовсе не останемся без производства, централизованного снабжения или органов общения с властями и государством. Это тут же восстановится, потому что жизненно необходимо, а значит, разумно. Просто сменятся люди.

Пропадет нечто еще, нечто гораздо менее видимое и материальное. Некая психологическая составляющая Медицины, которую вы физически ощущаете, когда входите в ее Храмы, например, в Министерство, закрытые Здравницы, кабинеты Главных врачей крупных клиник... В общем, исчезнет присоседившееся к нам сообщество, а останемся мы с вами – просто люди, разумно строящие свою жизнь.

Это возможно, хотя я вовсе не уверен, что изгнание даже таких Богов из нашего мира – правое дело. И я уж точно уверен, что это мало кому нужно и еще меньшему числу людей принесет пользу. Люди вовсе не рвутся жить своим умом, думая и отвечая за свою жизнь. Но это и не важно, потому что наша задача – не перестроить мир, а понять, как он устроен.

И что касается Медицины, то для ее понимания надо забыть споры о том, какая из Медицин лучше и где больше разумного и действенного, а понять и то и другое, точно обрисовав его

границы. Тогда то, что останется и есть собственно божество, живущее собственной жизнью, не имеющей отношения ни к нам, ни к лечению, целительству или чистоте.

Вот подход, который я применяю в моем исследовании, и я хочу, чтобы вы его видели и читали за написанными мной строками. Пусть то, что покажется вам отрицанием Медицины, Гигиены или Санитарии не сбивает вас с толку. Я всего лишь исследую их, разделяя на обманчивое и сущностное.

Глава 5. Божественные помощницы – Гигиена и Санитария

Вот теперь можно перейти к разговору о тех помощниках и составных частях Медицины, в чье ведение во времена Научной революции было отдано дело очищения. Они называются Гигиена и Санитария, и, как вы понимаете, это все та же Война Богов. Разница между ними лишь в том, что Санитария считается воплощением на деле того, чем является Гигиена как наука. Как пишут в учебниках: «Практическое претворение в жизнь гигиенических нормативов, правил и мероприятий называют санитарией» (Габович, с. 12).

Это означает, что хоть в действительности эти две дисциплины и не совпадают полностью, но для понимания их сути нам достаточно изучить Гигиену. Естественно будет начать прямо с того места, где мы находимся, то есть с того понимания, что у нас уже есть, как у членов общества, насквозь пораженного Гигиеной, а потом заглянуть в источник наших знаний – учебники гигиены для медицинских институтов и училищ.

Итак, что же такое Гигиена в представлении современного человека, не испорченного медицинским образованием? Например, моем?

Для меня совершенно определенно гигиена – это поддержание чистоты и избегание заразы. Иначе говоря, это поддержание чистоты на двух уровнях: как телесной чистоты, то есть смывания и вычищения грязи и выделений, так и чистоты как защиты от инфекций. Немного подумав, я понимаю, что в гигиену должно включаться еще и обеспечение чистоты всего, что мы пьем, едим, включая очистку питьевой воды, дезинфекцию сантехники и канализации, проверку и очистку всего, чем живет как отдельная семья, так и целые города. В общем, список, если подумать еще, можно расширять, но всегда это будет обеспечение исходной чистоты или очищение чего-то от грязи, от инфекций или от вредных веществ.

А что говорят об этом профессионалы, то есть что пишут сами теоретики Медицины? Вы будете поражены тем, как обучают Гигиене наших врачей. Один из самых авторитетных и переиздаваемых учебников «Гигиена» **В. А. Покровского** рассказывает о предмете своей науки так:

«Определение гигиены как науки.»

Коротко формулируя понятие, можно сказать, что это наука о сохранении здоровья и трудоспособности человека, о максимальном продлении его жизни. Гигиена является важнейшим разделом современной медицины, посвященным изучению влияния на население физических, химических, биологических и социальных факторов окружающей среды. Основной целью данного изучения служит усиление положительного влияния указанных факторов и предупреждение их отрицательного, вредного воздействия.

Очень хорошо определил цель, стоящую перед гигиеной, известный английский ученый Э. А. Парксе: «Основная задача этой науки заключается в том, чтобы сделать развитие человека наиболее совершенным, упадок жизни наименее быстрым и смерть наиболее отдаленной». Этому вполне соответствует смысл, вложенный в название науки, которое восходит от имени Гигеи – дочери Эскулапа, являвшейся, по верованиям древних греков, богиней здоровья» (Покровский, с. 4).

Как по-вашему, какое определение Гигиены даст студент на экзамене, прочитав этот текст? Я бы дал такое: Гигиена – это богиня, поэтому понять, что она такое трудно, но цели у нее самые лучшие.

Честно признаюсь, мое первое впечатление от такого определения предмета гигиены ее классиками было слегка шоковым: неужели я так ошибся в простоте ума и настолько не понимаю, что же такое гигиена? Неужели к чистоте и очищению она не имеет вообще никакого отношения?

Нет, очищение действительно не упоминается в учебнике. К счастью, через пару страниц, в разделе «Основные методы гигиенических исследований» я обнаружил несколько высказываний, очевидно, не очень значимых для автора и самой Гигиены, но все же позволяющих от возвышенного и прекрасного образа Богини перейти хоть к какому-то пониманию того, что придется делать, если заняться гигиеной?! Там появились слова о загрязнении:

«Так, например, подробное санитарно-топографическое описание водоема помогает перейти к заключению о вероятных источниках его загрязнения и мерах их ликвидации» (Там же, с. 6).

Вы заметили странное высказывание «о ликвидации источников загрязнения»? Как будто автор очень старался не произнести слово «очищение». Я не привожу остальных высказываний, потому что они еще более мутные. Но все же это хоть как-то позволило мне примириться с собственным невежеством: все-таки на деле задачи Гигиены – искать загрязнения и ликвидировать их, то есть очищать.

Тогда я задался вопросом: а почему же все это высказано так сложно, непонятно и не прямо? И даже отбрасывая предположения, что красивый облик Богинь – это приманка на стальном крючке, которым меня как рыбу поднимут к самым небесам, я вспомнил, что сам автор привел объяснение в предисловии еще к первому изданию своего учебника:

«Преподавание курса гигиены на лечебных и педиатрических факультетах должно прежде всего способствовать формированию у будущих врачей профилактического направления в их лечебной деятельности. Трудно не согласиться с мнением Ф. Ф. Эрисмана о том, что... не каждый врач, конечно, может быть специалистом по гигиене, но каждый, кроме известного положительного запаса знаний по этому предмету, может и должен усвоить себе, так сказать, гигиенический способ мышления» (Там же, с. 3).

Привить «гигиенический способ мышления» – вот главная задача гигиенического учебника и обучения. Гигиена – Богиня по происхождению иностранная. Чистота и очищение были у нас и до нее. Они же могли бы сохраниться и развиваться до современных требований и без Гигеи, только исходя из Разума и требований жизни. Но тогда не было бы Науки, и в академиях нечего было бы преподавать, а жрецам не за что было бы получать приношения и зарплаты. А чего тут особо сложного может быть в рассказе о том, как поддерживать чистоту? Это любой деревенский знахарь, да что там знахарь, любой мужик или баба, у кого здравый смысл есть, расскажет.

Нет, так Науку не построишь! Наука сразу, с первых строчек должна оправдывать то, что ее надо изучать не понимая, а принимая на веру. Веровать надо в богов, а не чистоту наводить!

А чтобы ничего не понимать, но учить, надо иметь тайный язык, который и будет предметом изучения. Попробуйте выучить язык, который не понимаешь? Например, латынь, на которой долгие века рассказывали о Христе. Или церковно-славянский, который ни одна русская бабушка, ходящая в церковь, не понимает. Вот так и с Гигиеной – не надо ничего понимать, нужно просто открыть свое сознание и впустить ее «способ мышления» в себя – и пусть он сам себя во мне мыслит. Это и называется «усвоить» – съесть и сделать своим на уровне клеточного обмена. Зачем понимание для клеточного обмена? – Он происходит помимо разума!

Естественно, что такой способ мышления, будучи усвоен высшей школой, насаждался и в медицинских училищах. Не менее популярный учебник **Габовича** для медучилищ вообще не дает определения гигиены и начинает свое шестое издание, ставшее классическим, так:

«Глава I. Теоретические основы и история развития гигиены. 1. Задачи и методы гигиены. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет здоровье как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов, причем, под социальным благополучием подразумевается социальная дееспособность (Устав ВОЗ, Женева, 1968). Здоровье предполагает нормальное и гармоничное физическое и психическое развитие человека, нормальное функ-

ционирование всех органов и физических систем организма, способность адаптации к неблагоприятным условиям окружающей среды, не превышающим приспособительные возможности организма, и воспроизводства здорового потомства, отсутствие заболеваний и склонности к ним, высокую физическую и умственную работоспособность, позволяющую человеку выполнять свои социальные функции.

Эффективность мер, направленных на улучшение здоровья и предупреждения заболеваний, в первую очередь определяется правильностью представлений о факторах и условиях, влияющих на состояние здоровья и заболеваемость населения. Учение И. М. Сеченова свидетельствует о неразрывной связи человеческого организма и окружающей среды: для нормальной жизнедеятельности организма необходимы, прежде всего, адекватные условия окружающей среды.

В процессе жизни организм человека подвергается воздействию множества непрерывно меняющихся факторов окружающей среды (раздражителей). Между организмом и окружающей средой устанавливается подвижное равновесие, являющееся необходимым условием его нормального функционирования. Изменения факторов, не нарушающие этого равновесия, не вызывают заболевания, так как организм человека приспосабливается к ним посредством нервной и гуморальной регуляций. Воздействие на организм необычных по силе и характеру факторов окружающей среды нарушает равновесие между организмом и средой и приводит к заболеванию человека.

Одной из центральных задач гигиены является обоснование гигиенических нормативов факторов окружающей среды. Под гигиеническим нормативом понимают минимальную и (или) предельную величину количественного показателя, характеризующего отдельный физический, химический, биологический фактор...» (Габович, с. 7–8).

Я намеренно привожу выдержки из академических учебников гигиены большими и цельными кусками, чтобы вы почувствовали, как мыслит Гигиё и какую операцию надо произвести над собственным сознанием, чтобы это впустить в себя. А теперь поймите: большая часть наших медиков эту операцию произвести над собой позволила. Да еще в том возрасте, когда сознание было мягко и податливо. Ну, а заодно вспомните то странное впечатление, которое производят врачи, когда приходишь к ним на прием.

Они переключаются в какое-то особое, явно измененное состояние сознания, где все человеческое им чуждо. И их тогда ничем не прорвать, потому что они сразу становятся недоверчивы, то, что говорит больной, не слышат, а пытаются понять то, что он, как всякий профан, сам не понимает, но выдает своими жалобами. Это состояние врачебной зомбированности не относится к Гигиё, это присутствие в сознании врача самой Медицины, точнее, ее способа мышления. И его пора кому-то из психологов описать и изучить. А вот мышление Гигиё начинается там, где появляется ощущение стерильности.

Стерильность – это и есть чистота, но на тайном языке Медицины и Гигиёны. Почему же «стерильность», а не чистота? Да потому что это вовсе не одно и то же. Во-первых, само слово стерильность происходит от латинского «бесплодный», то есть должно бы переводиться как обеспложивание, а переводится как убивание любого вида жизни. Это и есть Гигиеническая чистота. Но это еще не все.

Стерильность проявляется и в способе, которым медик ведет беседу с пациентом, к примеру собирая анамнез, то есть выясняя историю болезни. Его задача убить и отсечь все собственные предположения больного. Собственно больной врача вообще не должен интересоваться, только – болезнь.

А все остальное отсекается. Но болезнь – это как раз кусочек смерти, кусочек мертвечины в человеке, а все остальное – живое. Оно-то и отсекается... ради жизни и здоровья... Почему?

А потому что в понятии «стерильность» присутствует еще одно скрытое значение, которого уж точно нет в «чистоте». Никогда не догадаетесь какое! А догадаться можно, только

вспомнив, что мелкие демоны греческого пантеона превратились в крупных Богов современного мира, лишь поддерживав научную революцию и обретя облик Наук. А что главное в Науках? Метод! Естественнонаучный, в нашем случае.

Так вот, стерильность – это иное имя главной части естественнонаучного метода – научной «объективности». И если вы приглядитесь, то увидите, что требование быть объективным, которому следуют ученые всего современного мира, – это присутствие стерильности в их способе рассуждать, иначе говоря – это прием, позволяющий отсечь себя как живое и «нечистое» от «чистого рассуждения». Ясно, что «нечистота» тут не телесная, а идеальная. Да и чистота должна достигаться тоже идеальная. Как и требует Гигиена:

«Стерилизация – обеспложивание, **полное освобождение** различных предметов, жидкостей, пищевых продуктов, перевязочного и шовного материала, мед. инструментария, операционного белья, лекарственных растворов, питательных сред от живых микроорганизмов» (Популярная медицинская энциклопедия, 1961).

Полное освобождение от заразы жизни стало из разумного приема способом мыслить и философским обоснованием всей деятельности гигиенистов, медиков и ученых-естественников. Вспомните предыдущую главу – я не воюю с Гигиеной, я пытаюсь разделить то, что в ней разумно, с тем, что является присутствием инородного нам существа или божества. И я не берусь судить о том, как далеко должно заходить обеззараживание в уничтожении микроорганизмов. Возможно, и до полного от них освобождения. Хотя это явно идеальное требование, как и принято у Богов.

Но зато я охотно исследую все то, что стало мировоззрением медиков. Исследую как психолог, потому что это моя вотчина, хотя медики и склонны держать ее тайной и защищать от вторжения чужаков.

Но прежде я бы хотел сказать, что даже в самой красивой семье не без уродов. Вот и среди спецов Гигиены находятся исследователи, которые достаточно просто и понятно описывают то самое ядро соответствия действительности, которое наш разум спокойно может использовать и без всяких хитростей, украшений и многообещающего словоблудия.

Например, книга **Агаева и Саркисянца «Гигиена с основами организации здравоохранения»** начинается прямо с того, что нужно, чтобы понять, что же такое эта таинственная и прекрасная незнакомка Гигиена:

«Введение. 1. Предмет и задачи гигиены.

Гигиена – наука о здоровье, которая входит в комплекс медицинских наук. Она ставит своей целью предупреждение заболеваний, а не лечение больного» (Агаев, Саркисянц, с. 4).

Не могу сказать, что эта книга написана совсем без влияния «гигиенического способа мышления», но из нее вполне вычлениется разумное понимание того, что гигиена занимается «предупреждением заболеваний» с помощью поддержания чистоты.

А вот что такое «чистота» – это особый разговор. Для гигиены – это отсутствие в окружающей среде того, что может оказать вредное воздействие на здоровье человека, хотя точнее было бы сказать – человеческого тела.

В силу этого, гигиена получает такое определение «Гигиена – профилактическая наука, изучающая влияние факторов окружающей среды (химических, физических, социальных и др.) на состояние здоровья населения и разрабатывающая на основе полученных данных нормы и мероприятия по устранению или ослаблению взаимодействующих факторов, а также оздоровлению условий труда, жизни и укрепления здоровья» (Там же, с. 5).

Я бы так перевел это определение с божественного на человеческий язык:

Гигиена – это наука, которая находит, что в окружении человека может быть вредно его здоровью, а потом устраняет это с помощью санитарии.

По крайней мере, так это должно бы быть, если бы мы использовали ее разумно. Разумна ли Гигиена и вообще может ли быть Богиня разумна – это вопрос для совсем другого исследования, которое пока мне не нужно.

А нужно мне то, чтобы у нас более или менее обозначилось понятие чистоты и нечистоты, которое завоевало наш мир к началу третьего тысячелетия. Это понятие, безусловно, научное и гигиеническое. Я не хочу его сейчас воплощать в слова. Я все равно не смогу сделать это точно. Но я хочу почувствовать границы своего понятия «чистоты-нечистоты». Хочу ощутить их прямо в собственном сознании.

Не получилось бы только так, что я вдруг осознаю, что понятие «чистоты-нечистоты» есть лишь участок фронта, которым командует Гигея. А в целом и он, и все мы – люди – есть лишь материал, заполняющий пространство Великой Битвы Богов. А на этой площадке из человеческих тел Армия Богини Здоровья сражается с войском Богини Болезней. Кстати, в те мифологические времена, из которых происходит Гигея, все болезни имели точно такие же божественные воплощения. Русская народная мифология их тоже знала. Вспомните хотя бы Лихо и двенадцать Сестер-Лихорадок, которых знали поименно.

Выводы. В сторону все лишнее!

Похоже, что нам не дано понять никакого очищения, если мы не освободимся от правящего понятия очищения. А оно внедрено в наше сознание Наукой. И до тех пор, пока мы точно знаем, что истинным может быть только научное медицински проверенное очищение, нам просто нет смысла искать другого очищения. Оно не поможет, раз мы убеждены, что оно не истинно.

Так что дорога к себе определенно лежит через море Медицины, а за ней и остальные моря, принадлежащие Науке. И все они коварны, как коварна сама Цирцея. И все же иного пути нет. Либо медицинское очищение достаточно для моих нужд, либо я обрету сомнение в собственной Богине и пойду за пределы ее царства.

Итак, очищение в Медицине можно разделить на три вида.

1. Собственно медицинское понятие чистоты называется стерильностью. Очищение как поддержание стерильности является профессиональной задачей медиков при осуществлении всех видов своих операций – как на теле человека, так и при изготовлении снадобий или подготовке к работе медицинских орудий.

Этот вид очищения лежит вне моего исследования.

2. Гигиеническое понятие очищения бывает двух видов. Это или обеспечение приемлемых условий жизни для людей в той среде, которая нас окружает, или личная гигиена. Обеспечение жизнедеятельности, по сути, есть индустрия, то есть своего рода производство, поддерживаемое государством. Это вне моего исследования.

Личная гигиена настолько плотно вошла в современную культуру, что ощущается общеизвестным минимумом очищения, который не стоит особого разговора. Тем не менее он связывает медицинское и гигиеническое очищение с очищением, которое я бы назвал околomedicalным.

3. Околomedicalное очищение прикладников. Это гораздо более интересная тема, потому что заполняет ту нишу потребности в очищении, которая образовалась между личной гигиеной и медицинской стерильностью. Правда, сейчас в Медицине возникают собственные отрасли, которые ставят своей задачей «очищение организма», как это называют прикладники. Однако они значительно отстают от прикладного очищения и в популярности, и в понятности, и в доступности.

Прикладное очищение – это, безусловно, тема, которую стоит изучать. Однако что это за тема? При внимательном рассмотрении философских основ прикладного очищения становится ясно, что они лишь используют заимствованные из медицины слова, вроде «организма», не имея соответствующего им понятия. Следовательно, прежде чем изучать прикладное очищение, нужно понять, что оно чистит и соответствует ли это моим действительным потребностям.

На поверку оказывается, что прикладники заняты очищением организма. А что это такое? Отличается ли это от очищения тела? И что с душой и сознанием? Что с духовным и нравственным очищением?

В сторону все лишнее! Передо мной вопрос: что чистить? И море по имени Организм.

Основное: что чистим?

Море организма

Глава 1. Организация или творение?

Слово *organismus*, очевидно, появилось лишь в поздней латыни, как заимствование и переделка греческого *organon* – орудие, снаряд. Словари классической латыни, вроде **словаря Шульца**, его не знают. Но если верить **«Современному словарю иностранных слов»**, означало оно в новолатинском языке – **живое тело, живое существо, сложное организованное единство, например, государство**.

Узнать, что привычный нам организм – это всего лишь живое тело, наверное, вызовет удивление. Впрочем, слишком доверять Словарю иностранных слов не стоит, потому что он нигде не объясняет, откуда берет свои определения. Да к тому же переводит организм через организованное. А организованное производит от французского *organiser*. Латинское слово могло получить значение от французского только в ходе научной революции.

Когда возникло это латинское слово? В каких веках? Лично я подозреваю, что ближе к Возрождению, когда греческая философия стала возвращаться в Европу.

В Европе же основным разносчиком произведенной из *organon* *organiza-tion* оказалась Франция. Там оно тоже появляется в эпоху Возрождения, но особо бурно приживается в XVIII веке. Соответственно, Россия принимает это слово в конце XVIII века, очевидно, в связи с распространением идей Французского материализма и Революции. Впервые в наших словарях оно появляется в 1806 году.

Что же обеспечило успех этому слову в эпоху буржуазии? Орудие – это то, что дает победу и как инструмент и как оружие. Позднесредневековая Европа, переходя в Возрождение и капитализм, начинает бурно захватывать мир. Превратить мир, общество или государство в организацию, значит, облегчить их захват, подчинение и использование. И делает Европа это упрощение самой себя, перестраиваясь, собирая организации, которые и являются до сих пор главными орудиями захвата мира и власти. Суть же перестройки – в смене мировоззрения с религиозного, где миром правит непонятный и недоступный подчинению Бог, на научное, с помощью которого миром буду править Я!

Естественно, революционеры не могли пройти мимо этого понятия, как не могла пройти и современная оргпреступность. В этом смысле она тоже научна и детище Науки.

«Энциклопедический словарь» в 1954 году уже забыл или еще не знал про живое тело и определял, что такое организм, невероятно просто. Организм – всякое живое существо (в том числе и человек).

«Детская энциклопедия» (1960) ушла значительно дальше: «Живой организм – не простая совокупность клеток. Все клетки, ткани и органы тесно связаны между собой и составляют единое целое» (Т. IV, с. 39).

И к тому же из ее текста можно понять, что организм – это то, что сделано из органического вещества. Что же касается органического вещества, то оно выводится из понятия сложного вещества, которое организовано. Как пишет энциклопедия:

«Когда растворы белков или других подобных органических соединений смешиваются между собой, из растворов выделяются особые полужидкие, студенистые образования – коацерваты <...>

При образовании коацерватов возникают зачатки **организации**, правда, еще очень примитивной и неустойчивой» (Там же, с. 19–20).

Следовательно, организм – это вовсе не живое тело, а организация высокого уровня. Что такое организация? И почему это слово было избрано, чтобы заменить множество других слов, исконно существовавших в человеческом языке? Что было столько привлекательно в нем для естественнонаучного глаза?

Для «Энциклопедического словаря» 1954 года организация – это упорядочивание, налаживание, устройство, приведение в систему, а также строение отдельного организма. Это, видимо, не такое уж плохое определение, поскольку Толковый словарь Ожегова и Шведовой не идет дальше него даже через полвека.

Из «Философского словаря» 1986 года можно понять лишь то, что переход к понятию «органические системы» совершился в начале XIX века как отказ от метафизического воззрения на «сложные объекты» как на «механические системы». «Однако, начиная с 19 века в философии (Гегель); естествознании (Дарвин), общественных науках все более отчетливо формировалось убеждение в необходимости исторического подхода к природным и общественным объектам как саморазвивающимся системам (органическим системам)» (ФС, Органические системы). Органическое – саморазвивающееся.

Это мнение один к одному до сих пор повторяют словари марксистской ориентации (например, «Философский Словарь» под редакцией Фролова).

Как ни странно, Даль в середине XIX века знает не больше, но и не меньше, за исключением каких-то политических мудрствований. Это значит, что уже в ту пору понятие «организм» и «организация» были привычны и загадочны для обычного человека в той же мере, что и сейчас. Организм как организм, чего тут вопросы задавать! Так все говорят...

Война Богов. Что же было такого чарующего в слове организация?

Почему ученые, члены набирающего тогда силу научного сообщества, избрали его в качества некоего исходного понятия, определяющего всю их деятельность? Ответ можно вывести логически, как говорится. Достаточно задаться последовательно всеми необходимо следующими друг за другом вопросами. Например: кто были эти ученые в психологическом смысле? Ответ дал Тургенев романом «Отцы и дети» – сначала это были дети, бунтующие против отцов. Так начиналось во времена Галилея. Тогда бунт еще был ради бунта.

Но чуть позже, когда дети почувствовали, что их становится все больше, и они собирают силу, с которой отцы не справляются, они начали задумываться о том, а зачем бунт? И ответили с детской глубиной: чтобы было не так, как у отцов! Это называется революцией, от английского revolt – переворот.

Тогда Достоевский дал новое имя подросткам – «Бесы». Почему? Вглядитесь в слово переворот, и вы все поймете. Если ты не думаешь о том, какой мир хочешь построить, и тебе достаточно его перевернуть так, чтобы было «не так, как у них», то ты с неизбежностью меняешь верх и низ местами. А низ – это ад... В то время уже было очевидно, что организация нравится ученым потому, что она позволяет захватить власть в мире. Это было время первых террористических организаций.

Разглядев это, кое-кто из детей догадался, что там им и придется жить, и тогда они повзрослели еще на один класс начальной школы и заявили: Мы наш, мы лучший мир построим, кто был ничем, тот станет всем! И придумали новый рай по имени Коммунизм.

Ничто стало его наполнением, то есть всем. Мы в России это хорошо почувствовали, когда жили ради ничего. Смысл жизни и даже сама жизнь вместе с душой была отнята, и остались только тела, да и они теперь назывались организмами, потому что были частью всеобщей организации неимущих. Но

что такое эта организация, в которой каждый винтик – это организм? Ответ, как это ни странно, я нашел в одной из книг по очищению организма с очень коммунистическим названием **«Как очистить кровь»**.

Некто **С. Ю. Афонькин** в наивно-гениальном прозрении начинает свое сочинение с манифеста победившего сообщества молодых революционных ученых:

«Главная система органов.

От чего зависит наше здоровье?» (Афонькин, с. 3).

Так и подмывает ответить: наше здоровье зависит исключительно от наших органов, в первую очередь, репрессивных. Они и самой жизни лишиться могут! Но и органы здравоохранения живут за счет нашего здоровья, а уж сколько его испортили наши органы образования и прочие, кому имя легион, рука описать не может! Простите за эту горькую шутку, я постараюсь больше не перебивать. Итак, от чего же зависит наше здоровье?

«В первую очередь, от самочувствия отдельных клеток, из которых состоит организм человека. Ведь из них состоят все ткани и органы человеческого тела.

Человек – живая империя клеток, настоящее клеточное государство, которое обладает транспортной и канализационной системами, органами управления и защиты.

Возникает странное чувство при мыслях, что миллиарды клеток могут ходить на работу, причесываться или играть в футбол. Такие совместные, слаженные действия огромного числа клеток возможны благодаря непрерывной работе каждой из них в отдельности и разделению труда.

Если каждая клетка тела будет четко выполнять свои функции в ответ на проявляемую со стороны организма-государства заботу, клеточная империя будет процветать» (Афонькин, с. 3–4).

Кем ощущает себя пишущий это автор? Лениным, Марксом, Александром Великим, просто царем или императором? Вспомните: Русь – Третий Рим, а царь русский – наместник Бога на земле. Значит, Богом? И кем хотели стать творцы научно-технической революции, когда разрушали прежний мир – мир все-таки, не меньше! – и меняли его на новый?! Творцами миров?

Значит, Наука – это не только захват власти в мире, но и игры в божественность, а организация – это иное слово для «загубленного» религией **творения**. Иначе говоря, она не только орудие, но и способ действия, в сущности, организация и есть научный метод. И если это так, то слово «организация» мистично для ученого. Оно столь же таинственно, сколь таинственно и полно возможностей «творение» для религиозного мистика. Ведь «творением» как некой силой или способностью Бог создал мир и человека. А ученый? И он тоже. Он создал свой мир и своего человека – Науку и организм. Теперь Наука завоевала Землю, создав такую империю, какая и не снилась великим императорам прошлого.

Честно признаюсь, несмотря на все мои старания, я так и не нашел, кто же первым заменил живое тело на организм, а живое существо на организацию. Мистика – она и есть мистика. Думаю, эти тайны раскрываются лишь в глубинах Храма Науки при посвящениях.

Но я боюсь того, что происходит с миром под властью Науки. И я не понимаю, когда со мной говорят об очищении организма, что это такое. Мне все время кажется, что люди говорят

это ученое слово, а сами при этом видят что-то другое и простое: желудок, кишечник, печень, сосуды...

Мне страшно оттого, что кто-то огромный и могущественный приучает нас видеть мир не таким, каков он есть. И еще страшнее оттого, что он не один. Богов, делящих сейчас Землю и сражающихся за наши души, много, и далеко не все они известны нам. Хотя желающий видеть – увидит, потому что по делам их познаются они. Если уметь наблюдать за происходящим вокруг себя, то можно рассмотреть и того, кто вызывает происходящее.

К примеру, наблюдая за Медициной, Гигиеной, Санитарией, прикладным очищением замечаешь их нездоровую и навязчивую приверженность понятию «организм», которое они сами объяснить не могут. Это отсутствие объяснений подсказывает, что хозяином «организма» является кто-то другой, кто лишь проявляется через науки о болезнях. Кто? Божество по имени Физиология. Физика живого, как она сама себя скромно нарекла.

Я очень хочу понять, как Физиология стала душой и духом всего современного очищения.

Глава 2. Человек-машина

Война Богов. Физиология – детище естественнонаучной революции, начавшейся на рубеже шестнадцатого и семнадцатого веков. Можно даже сказать, что она – из числа тех молодых Богов, кто тогда начал битву за захват мира и свержение старых Богов. Как вы помните, в той битве сообществу молодых Богов, назвавших себя Науками, действительно удалось очень сильно потеснить Религию как главную опору Государства и Власти. В итоге все современные западные и многие восточные государства безусловно признают авторитет Науки.

Однако внутри самой Науки есть собственный Олимп и собственная иерархия, то есть распределение мест за правящим столом сообщества. Этим местам соответствуют и уделы, на которые поделен наш с вами человеческий мир. Естественно, что подобное устройство кто-то должен был возглавить. Кто обычно возглавляет правительство после переворота? Тот, кто сильнее остальных. А как определить сильнейшего? Способов всего два: либо он должен побить не только врагов, но и всех своих, либо его определяют по заслугам в предыдущей битве.

Царицей Наук после победы над Религией и захвата мира была признана Физика. Почему? Потому что у нее, как в свое время у Зевса, было оружие исключительной силы, благодаря которому и была свергнута Религия. На Руси такое оружие Зевса называлось перуном, в Индии – чакрой. У каждого из народов в древности был свой образ сверхмощного оружия, которым повергаются наземь даже Боги.

Оружие Физики было точной копией оружия, которым обладала Религия.

И называлось оно Образ мира. Отобрав у Религии право объяснять, как устроен мир, Физика отобрала у врага и его силу, которая хранилась в страхе Божиим. В новом, физическом мире не было места Богам, а значит, и некого было бояться. Страшными могли быть только Законы мироздания. Физические законы! Так была захвачена власть над умами, а с ней и над миром людей.

Физиология, будучи физикой живого, в своей попытке стать столь же непреложной, как и ньютоновская механика, делала бесчисленные попытки обрести ту же силу, что и Физика мертвого. Но она обладала лишь образом человека, который был все-таки не столь страшен, как

образ мира. Человеку трудно бояться самого себя. Вот если изгнать из него душу и представить бездушной машиной, с которой ты должен спать в одной постели долгие ночи...

Тут было за что побороться, и Физиология начала долгую борьбу за передел власти внутри Науки. Борьбу по всем признакам революционную в прямом политическом смысле этого слова. Первым из физиологов или, по крайней мере, любителей поанатомировать трупы объявил, что человек это машина, еще Декарт в середине XVII века. Декарт, считавшийся чуть ли не отцом всей естественнонаучной революции, все же страшно ревновал Ньютона с его физической механикой к его славе. Слава почему-то всегда была очень важна для революционеров.

В середине XVIII века шумным успехом пользовался трактат Ламетри **«Человек-Машина»**. Ламетри не был физиологом, он был фанатичным разрушителем церкви и боролся «против предрассудков толпы». Однако поставив себе задачей не ограничиваться «изучением природы и истины», а высказывать ее «в интересах кружка лиц, которые хотят и умеют мыслить» (Ламетри, Человек-Машина // Избранные сочинения, с. 179), Ламетри дальше резко избирает считать истиной материализм и заявляет:

«Итак, в данной работе нами должны руководить только опыт и наблюдение. Они имеются в бесчисленном количестве в дневниках врачей, бывших в то же время философами, но их нет у философов, которые не были врачами.

Первые прошли по лабиринту человека, осветив его; только они одни сняли покровы с пружин, спрятанных под оболочкой, скрывающих от наших глаз столько чудес; только они, спокойно созерцая нашу душу, тысячу раз наблюдали ее как в ее низменных проявлениях, так и в ее величии, не презирая ее в первом из этих состояний и не преклоняясь перед ней во втором.

Повторяю, вот единственные ученые, которые имеют здесь право голоса» (Там же, с. 181–182).

С этого подло-бредового заявления и начиналось победоносное шествие врачей по землям философии. Почему подло-бредового? На первый взгляд, это не явно. Вчитайтесь, особенно в последнее предложение: вот единственные ученые!.. Это политика, политическая демагогия или подловка, нацеленная на то, чтобы врачи дружно подпрыгнули и провозгласили сказавшего это своим идейным вождем. Это прозрачно. Но что достигается этой подловкой? Отбирается право голоса у тех, кто не врачи. А если истина не у врачей, а у Платона или Сократа? Или хотя бы у психологов, раз уж речь идет о душе? Подлость. Еще через век ее, как вы помните, повторит в России Сеченов, отобрав право судить о душе у психологов еще раз и отдав его физиологам. Это все подлость. А далее – бред.

Какую душу созерцали эти пускатели человеческой крови и поэты пиявок в XVIII веке? О чем это возбужденно вещает буревестник французской революции? Да и какую душу вообще может наблюдать врач, срывая с человека покровы, то есть сдирая кожу, под которой для него отражаются пружины и шестерни, как пишет сам же Ламетри? Что за ахинея и на какого недоумка она рассчитана? Впрочем, и это на поверхности.

А заглянем еще глубже. В такую близкую любому естественнику фразу: «нами должен руководить только опыт и наблюдение».

Прекрасные слова. В сущности, речь идет о точных экспериментальных исследованиях. И они действительно желательны. Но со времен Ламетри прошло два с половиной века, и мы сейчас прекрасно понимаем, что до сих пор построить экспериментальное исследование действительно объективно невозможно. Экспериментатор обязательно искажает его. Особенно, если это врач-философ. Он непроизвольно притягивает исследование к своей философии. Это сейчас. О чем же нам сладко поет Ламетри, о каких таких великих исследователях той поры научной дикости?

Политика, ложь и жажда власти... Так готовилась первая научная революция во Франции.

В России было то же самое. Возбужденные успехами первой русской революции 1905–1907 годов врачи бросились делать политику, обрабатывая сознание толпы дешевыми книжонками, вроде **«Кризисов и проблем»**, написанной **«доктором медицины Николаем Пясковским»** (М., 1907).

Вот с какой стати книга по гигиене начиналась от лица европейской интеллигенции?

«Современное европейское интеллигентное общество и особенно русское переживает время неудовлетворенности тем жизненным режимом, на каковой оно обречено силой обстоятельств, не гармонирующих с высшими интеллектуальными и моральными запросами жизни.

Теперь время перестройки в жизни страны. Все с жадностью ожидают в недалеком будущем таких благ, о каких едва только можно мечтать...» (Пясковский, с. 3).

О чем это доктор медицины? О свободе и рабстве!

«Стремление к свободе не только у нас в России, но и во Франции, и даже в Северо-Американских Штатах ведет к изумлению нашему не к желанной цели, а именно к тому рабству, которое едва ли не хуже политического рабства» (Там же, с. 3–4).

Вот ведь беспокоит доктора Гондурас. Так и хочется крикнуть, а вы, доктор, не чешите его! Впрочем, он и сам через пяток страниц замечает, что заврался, и неуклюже выворачивается из привычной политической колеи на нудную и неприятную ему, видимо, дорожку гигиены:

«Да, милостивые господа, моральная свобода еще труднее дается, чем политическая, потому что страсти людские сильнее колоссального физического насилия.

Но, какую же связь с гигиеной имеют все эти соображения, спросит меня, быть может, удивленная аудитория?... Огромную! И не только все это имеет связь с гигиеной духа, но и с гигиеной тела.

Раскройте, милостивые господа, хотя бы сочинения знаменитого германского психиатра Крафт-Эбинга и вы найдете там указания на то, что современное рабство человека перед капиталом, перед роскошью и своими страстями является главнейшей причиной той лихорадочной жизни больших городов, которая порождает такое громадное количество переутомленных людей с разбитой нервной системой, с усталой душой» (Там же, с. 8).

О чем речь? С чем воюем? С ростом населения? С перемещением его из сельской местности в города? С возрастающим достатком? С капитализмом? С «разбитостью нервной системы»? Кстати, что это такое? И имеет ли эта «разбитость» отношение к нервам? С чем воюем? Да какая разница, лишь бы во главе бездумной человеческой толпы. Кстати, состоящей из машин. Доктор медицины Пясковский даже самое творческое в человеке, то, что рождает жизнь, умудрился превратить в аппарат:

«Ведь недаром же природа наделила организм женщины столь сложными аппаратами, которые приспособлены специально для отправления и жизнедеятельности матерей» (Там же, с. 13).

Подобных сочинений в ту предреволюционную пору было множество, они переполняли прилавки и умы. Часть из них я привожу в библиографии, но всех не перечислить. Важнее другое. Научная революция в России и за рубежом победила, и победило понимание человека как машины. Возможно, самые проникновенные строки об этом были написаны в 1925 году в России физиологом Николаем Бернштейном – одним из тех, кто вместе с Корниловым уничтожил Институт экспериментальной психологии Челпанова. Это, на мой взгляд, поэма о машине-человеке:

«Товарищи! Биомеханика в точном переводе значит механика жизни.

В сущности, это есть наука о том, как построена живая машина, то есть каждый из нас; о том, как устроены движущиеся части этой машины и как они работают. Знакомство с живой

машиной необходимо для того, чтобы, путем умелого обращения с ней, добиться наилучшей и наиболее произвольной работы.

Вы понимаете, что законы механики повсюду одни и те же, касается ли дело паровоза, станка или человеческой машины. Значит, нам не придется выводить какие-то новые, особые механические законы.

Мы должны только составить описание и характеристику живой машины так, как мы сделали бы это для автомобиля, ткацкого станка и тому подобного...» (Бернштейн, с. 462).

Бернштейн оказался в числе диссидентствующих, то есть преследуемых властями ученых, и поэтому в России его очень любили. Непризнаваемый властью для русского интеллигента почти иностранец, а значит, предмет почитания, если не поклонения. Вот и Бернштейн до сих пор страстно уважается русскими психологами. Это значит, его взгляды еще долго будут определять развитие русской психологии. Наверное, немало людей положат свои жизни на решение поставленной тогда Бернштейном задачи, звучащей как призыв забить последнего дракона:

«К сожалению, усовершенствовать человеческую машину, подчинить ее конструкции своему произволу пока невозможно...» (Там же).

Бедное, бедное тело, как я не хочу быть на твоём месте! Как я не хочу быть в тебе, когда ты попадаешь в руки врачей или физиологов, даже если они всего лишь хотят сделать мне очищение организма.

Глава 3. Врачи и физиологи о происхождении жизни

Война Богов. Создать страшный образ человека оказалось не так уж просто. И все же кропотливая работа сотен и тысяч подвижников естественнонаучного захвата мира постепенно давала свои плоды. Количество перерастало в качество, и однажды человечество проснулось настолько потрясенным от ужаса, который ему открылся, что Физиология поняла: свершилось! Теперь души людские в ее власти.

В пору своего «Триумфального шествия» по планете, Физиология ничтоже сумляшеся называла себя учением о жизни, насаждая механические взгляды. Этим самым она, с одной стороны, безмерно раздувала собственный масштаб, потому что превращала человека во вторую вселенную, состоящую все из той же неживой материи, управляемой законами физической механики. А с другой, говоря о живом как о предмете физики, она превращала человека не только в машину, но и в ходячего мертвеца. Живое – это мертвое, которое самоорганизовалось до сложного! Теперь ты спал в одной постели не только с машиной, но и с мертвецом...

Пора этого опьянения от успехов пришлось на конец девятнадцатого – начало двадцатого века. В России того времени, где физиологией по преимуществу занимались врачи, ходили по рукам, в основном, переводные книги по физиологии, и одной из самых читаемых была «Общая физиология» Макса Ферворна (1897), которая, не стесняясь, называла себя «Основами учения о жизни».

Идея, которая должна была поразить воображение читателей и разрушить основы старого образа мира, была вынесена Ферворном в самые первые строки сочинения. Это очень верный подход, если замахиваешься на утверждение новых основ, – разрушить старые первым же ударом. Конечно, Ферворн тут не открыватель, а всего лишь эпигон, как говорится, то есть перепевала чужих мыслей, разносчик пылицы для осеменения умов. И все же:

«Живое вещество организмов составляет часть всего вещества, образующего наш земной шар. Его отличие от вещества безжизненного не может считаться принципиальным, потому что

и то, и другое состоит из одних и тех же элементов. Различие между веществом органическим и неорганическим не более различий, существующих между некоторыми неорганическими веществами, и заключается в способе и характере соединения элементарных веществ» (Ферворн, с. 1–2).

Отсюда возможны два пути исследования: первый – через вопрос о том, как же при такой обычности вещественной основы рождается чудо жизни? Второй – в сущности, к средневековому алхимическому убеждению, что жизнь можно создать в пробирке, собрав из кубиков «элементарных веществ». Естественно, физиологи всегда шли вторым путем, уверяя мир в том, что могут заменить Бога Наукой. Даже задавая вопрос о том, как же возможна жизнь, они на деле не задавали его себе, а только произносили для других, чтобы можно было выступить вперед с загадочным видом фокусника и сказать: а возможна она так!.. И выдать свои предположения, называемые научными гипотезами, за уже всем известную истину. Даже современные физиологи, сублимирующие живое вещество и клонирующие живые особи, на мой взгляд, лишь пользуются плодами какого-то неведомого им закона, пропуская сам миг, само движение вхождения жизни в исследуемые ими среды.

Физиологический подход – это не знание, а вера, убеждение и чародейство. Да это и открыто звучит в словах Ферворна:

«Весьма важно **приучить себя** к мысли рассматривать живое вещество не в качестве стоящего вне всякой связи с другими и даже совершенно противоположного другим таинственного вещества, а только как часть того, из чего построена земная кора.

Тогда само собой станет понятно, что жизнь находится в зависимости от условий среды, что развитие живого вещества должно быть неразрывно связано с развитием земного шара...» (Там же, с. 2).

И так далее и тому подобное. И все это очень, очень убедительно. Вот только смущает, что вдруг я убедил себя не видеть чудо, а однажды выяснится, что оно все-таки было при творении жизни!.. Но как это выяснится, если все дружно убедят себя и не будут глядеть в ту сторону?! Просто приучите себя видеть белое не белым и не черным, а таким, как говорит Наука, и дальше все сложится в стройное здание, внутри которого вы не найдете ни одной логической огрехи, позволяющей усомниться в новом образе мира. Кстати, именно так и не находят их сами ученые.

И всего-то для счастья нужно не сомневаться в одном-двух исходных основаниях.

Утверждение, что живое является тем же веществом, только иначе собранным, довольно естественно вело физиологов к древнему уподоблению живого существа машине. Поэтому все физиологии переполнены, как и ферворновская, выражениями вроде «О механизме жизни» или «Механизм клеточной жизни». И Человек-машина сплошь состоит из механизмов. Это естественно. А физиолог – это Ньютон живой Вселенной, ее Бог-механик. Такова логика рассуждения, если его последовательно разворачивать из заложенной первоосновы.

Она же естественно приводит физиолога сначала к утверждению, что психологию надо отменить, как это было сделано еще в шестидесятые годы XIX века. Зачем плодить лишние сущности, если в механической «живой» вселенной все можно объяснить законами механики?! Лишними сущностями оказались Душа, психология и психологи. А ко времени Ферворна, то есть к концу XIX века, Физиология начинает замахиваться и на социологию, что, впрочем, тоже естественно вытекает из последовательно разворачивающегося рассуждения: если физиолог – хозяин механики жизни отдельной живой клетки и отдельного организма, то кто, как не он, должен понимать и механику организаций?!

И вот рождается столь живучее:

«Действительно, мы знаем, что все организмы большей величины **суть клеточные государства**. <...>

Мы находим в клеточных государствах органического ряда осуществленными еще более разнообразные формы устройства, чем те, которые мы видим в человеческом обществе, и было бы весьма благодарной темой рассмотреть современную социологию с точки зрения фактических форм устройства различных клеточных государств.

Без сомнения, многие проекты социальных реформ имели бы совершенно другой успех сравнительно с тем, как мы теперь иногда к ним относимся» (Там же, с. 540–541).

В начале двадцатого века эта самоуверенность физиологов и всех, кто им поверил, например, врачей, вела к тому, что они вовсю стремились разжигать революционные пожары и громить старый мир. Благо, крови физиолог не боится, а ответственность умеет переложить на политиков. Во всяком случае, после революций они как-то поскромнели и поутихли и теперь занимаются наукой. Наверное, им снятся призраки загубленных империй и невинно убиенных детей...

Однако сами взгляды, ведущие к разрушению старого мира, до сих пор живут в умах популяризаторов физиологического очищения организма. Используя образ Владимира Высоцкого, было время, когда вся безумная больница возбуждалась мыслями о бермудском треугольнике, а было, когда она хотела перевернуть мир ради торжества Физиологии и механистической картины мира. Впрочем, врачи не безумны, они, скорее, бездумны, как и полагается религиозным фанатикам.

Вопрос о происхождении жизни – религиозный даже для Науки и решается только верой и приучением.

Глава 4. Евангелие от физиолога

Война Богов. Физиология долго трудилась, чтобы создать общественное мнение, построенное на основах механической Физики и отсутствия души. И когда ей это удалось в конце XIX века, она точно опьянела от успехов и попыталась переписать всю человеческую культуру, основав ее на себе самой.

В начале XX века выходят бесчисленные бульварно-физиологические книжонки, написанные врачами, учителями и университетскими преподавателями, которые используют в своих названиях все значимые для человеческой души образы. Они говорят и о духе и о душе. Приват-доцент военно-медицинской Академии **К. Яцута** выпускает в 1913 году брошюрку, достойную Сократа: «**Познай самого себя**». Не хватает только Евангелия от физиолога. Впрочем, если суммировать основные положения этих книжонок, вполне можно вывести и символ веры интеллигента и даже популярную Библию Физиологии.

Я попробую сделать выборку таких расхожих понятий, за которыми ощущается чародейская сила, способная увлекать воображение людей.

Яцута начинает свою «сократическую физиологию» так, что сразу будит вопросы:

«Привилегированное положение человека среди подвластной ему природы окружило его ореолом божественного происхождения, поднявшим на недостижимую высоту над всеми созданиями растительного и животного мира» (Яцута, с. 3).

На первый взгляд здесь идет антирелигиозная пропаганда. Мы уже знаем, что сейчас божественное происхождение человека будет развенчано вместе с Богом и будет дан очерк «естественного» происхождения человека. Все верно, так и будет. Но понаблюдайте за собой, как за очарованной душой.

Понаблюдайте за тем, как оказывается на нее воздействие. Как отзывается она на слова о божественном происхождении? Как на некий очень важный знак, первую кнопку кодового

замка. Она нажата, и душа раскрылась для восприятия. Она знает, что все далеко не просто с ее собственным происхождением, и если ты хочешь с ней говорить, говори о божественном происхождении, это вызывает необходимое предвкушение: да, да, скажи мне об этом! Расскажи мне обо мне!

И физиолог говорит, но хитро: я расскажу, но твое происхождение не божественно, тебя обманули, оно еще выше! Так проходимцы Бендеры обрабатывали бесчисленных Эллочек-людоедок.

«Не отличаясь никакими физическими преимуществами, например, силой, скоростью бега, неутомимостью – перед остальными животными и даже уступая в этом весьма многим из них, но владея свободным умом и свободными руками, он занял положение в природе, которое даже ему, одаренному высоким умом, кажется исключительным. <...>

И только необыкновенный ум, способный к прогрессу, да и инстинкт общности, вывели человека на тот славный путь, который увенчал его “троном природы”. <...>

Чем выше становился человек в своем умственном развитии, тем острее пробуждалась в нем потребность к самоопределению. Он не довольствовался уже красивыми легендами о своем божественном происхождении и, хотя продолжал считать себя царем природы, но с настойчивостью свободного ума стремился узнать свое прошлое, познать себя!» (Там же).

Как видите, человек Евангелия от физиолога очень похож на унтер-офицерскую вдову, которую никто не сек, потому что она сама себя высекла и сама себя создала. Но при этом он все равно хочет себя познать, и знаете, что для этого делает? Обращается к своему Богу-физиологу с вопросами; а физиолог уже знает все ответы и дает их.

А ответы такие: отбросим сложности. Всем ясно, что раз человеческое тело так похоже на тела животных, значит, человек – животное, обладающее сложным устройством, то есть организацией. Изучать его как человека и даже животное Физиологии не под силу, а потому есть смысл еще раз упростить понимание.

«Невольно напрашиваются сравнения организма со сложной машиной, в состав которой входят различные более или менее самостоятельные части, как бы “органы ее”» (Там же, с. 7).

Человеку-машине слагали целые поэмы. Потом, заболтавшись, впадали в противоречия:

«Действительно, внешнее сходство здесь имеется, но в то же время есть серьезная внутренняя разница. Прежде всего, сила, приводящая в действие машину, лежит всегда вне ее (лошадь, вода, пар, электричество), между тем у организма она лежит где-то внутри его, однако же, определенного места не имеет.

Эта-то “жизненная сила”, которая составляет вечную загадку человека, и заставляет его в самом себе различать два начала: материальное тело и невидимую душу» (Там же, с. 7).

Болтал, болтал и доболтался до души! Вот, казалось бы, вопрос, который нельзя обойти. Не обольщайтесь. Физиолог помянул душу случайно. Это даже не он, а язык неудачно повернулся. Он даже и не замечает, что ляпнул про душу и уже в следующей строчке принимается так же самозабвенно болтать об анатомии. А завершает всю эту песнь о самопознании совсем революционно:

«Человеческий организм можно рассматривать как семью различных тканей, состоящих из колоний, клеток <...>

Земля ты еси и в землю отыдеши» (Там же, с. 32).

В общем, не рыпайся и принимай лекарства. Они тоже из земли сделаны, значит, помогут поддержать твою жалкую жизнь подольше.

Глава 5. Физиология и страх смерти

Война Богов. Захват власти Физиологией привел к тому, что человек без души стал смертен. И вот тут-то, наконец, удалось посеять в его

отсутствующую душу настоящий страх. Страх перед смертью и, главное, болезнями, подкрадывающимися к тебе из глубин этого ужасного, мертвомеханического организма, который и есть ты! Он захватил умы и создал едва ли не самую большую технологию этой планеты – промышленность, заботящуюся о телесном здоровье. Естественно, промышленность эта тут же коррумпировалась, то есть развратилась и ради денег начала насаждать и продвигать определенное мировоззрение, внушающее всем нам такие взгляды на свое тело, которые ведут к увеличению оборота средств, задействованных в этой промышленности.

О том, как передовые врачи, физиологи и гигиенисты ратовали за здоровье народа, много написано. Поветрие выставить их народными заступниками началось во второй половине XIX века. Тогда же начали появляться многочисленные популярные книжонки, разъяснявшие безграмотным и полуграмотным массам – кстати, а что разъяснявшие?

На первый взгляд, здоровый подход к жизни, основы физиологии, правильное питание, важность семьи, ценность нравственности, продажность мизантропов-миллиардеров, благотворительную роль Науки... Но как можно было уместить все это обилие в тридцати – семидесятистраничные книжонки карманного размера? Нет, объясняли они всегда одно и то же: кого надо считать учителями человечества. Все эти книги имели один заряд: поднять образ врача, гигиениста, физиолога до уровня спасителя народного и последней инстанции в любом споре о том, как надо жить. Вот так творили миф о том, что в Медицине научно лишь то, что оправдано Физиологией.

Уже в то время такого рода книжонки начали называть бульварными.

В сущности, они смыкались с так называемой желтой прессой, отличаясь лишь размерами – чуточку не влезали в газеты. Но читали их точно так же – сидя на бульварной скамейке, от скуки. Не будешь же в ожидании опаздывающего на свидание человека читать солидный учебник физиологии. А так можно время провести «с пользой».

В итоге, слившись с периодическими изданиями, бульварная Физиология к началу XX века стала создавать общественное мнение, которое больше не проверялось и не оспаривалось массой полубразованных обывателей городов. А что означало наличие такого общественного мнения? Управляемость, сходную с управляемостью модой или обычаем.

Иными словами, теперь на огромное число людей можно было предсказуемо воздействовать. Конечно, этим воспользовались политические авантюристы. Но эта часть жизни меня интересует меньше. Гораздо важнее экономика. Рыночная политика множества предприятий, обслуживающих телесные нужды, в то время уже мало чем отличалась от современной. Как и психология членов научного сообщества.

Промышленность и Наука всегда заинтересованы друг в друге. Причем, двояко. Наука поставляет промышленности технологические разработки. Это ясно. Но очевидно и то, что промышленность заказывает Науке и продвижение своих товаров на рынок. А ученые охотно пишут для промышленности заказные работы, в которых насаждают выгодные промышленности взгляды, творя то самое общественное мнение.

Было бы интересно произвести сопоставительное исследование бульварно-физиологической литературы с ростом соответствующих отраслей промышленности и посмотреть, как накладывались искажения на то, что принято считать чистой Наукой. А искажения эти живут в умах человечества до сих пор, поскольку действительно научную литературу читать просто невозможно. Ученые сделали из нее тайное тайных, зашифровав недоступным простому человеку языком. Так что общефизиологическая грамотность наша по преимуществу создавалась как своеобразная культура, выгодная промышленности. И чтобы убедиться в этом, достаточно поглядеть на культуру потребления лекарств во всех странах мира. Там это видно ярче всего.

Однако, Физиология не ограничилась ролью пресса для выкачивания денег из толпы. Делая нас беднее, а наши тела отравленными и болезненными, она к тому же породила страх перед смертью. Ведь для существа без души вся жизнь ограничивается жизнью тела и его болезнями. Бульварно-физиологическое мнение, что никакой иной жизни нет, укоренилось даже в умах верующих людей. Они зачем-то еще ходят в церкви, но при этом глушат таблетки, а значит, в глубине души знают, что души нет, и надо жить телом...

Страх за тело – это магическая печать, скрепляющая союз Физиологии с другой богиней – Экономикой или Промышленностью. Пока держится он, и та и другая будут процветать. Впрочем, Промышленность приспособится к любым условиям, смена потребностей человека лишь заставит ее немного поменяться. А вот Физиологии из почти Физики человеческого тела придется превратиться в очень частную Науку между Анатомией и Медициной.

Впрочем, это, в сущности, уже произошло. Времена Физиологии уже в прошлом. И отменила ее значение не иная Наука, а ее собственное детище – бульварно-физиологическое общественное мнение. Промышленности больше не нужны физиологи для обработки мозгов. Все уже сделано, и все приемы управления разработаны – стадо бежит туда, куда надо капиталу.

А физиологи могут отдыхать, без денег и славы... Дело сделано, мавр может уходить... за ненадобностью...

Глава 6. Долг интеллигенции перед Россией

Бульварно-физиологический беспредел, творившийся в России во второй половине XIX века, повел к тому, что мы потеряли и собственную культуру, и духовную свободу, и просто много денег. Объясню.

Интеллигенция рождается в первой половине XVIII века. Это чисто русское явление было запущено Петром Первым как своеобразный генетический эксперимент по выращиванию в человеческом муравейнике узкоспециализированной особи. Для него отбирались молодые люди, обладающие честолюбием и способностями к иностранным языкам и техническим наукам. Юноши эти должны были хотеть оторваться от старого отцовского быта и сделать карьеру в рамках того сообщества, которое Петр создавал как свой управленческий аппарат или механизм. Иначе говоря, они должны были хотеть сменить гражданство с русского на государственное.

В России человек, переходящий на государственную службу подсознательно ощущает, что теперь он другой нации – можно сказать, варяжской, и теперь он избран для того, чтобы править народом, а не быть им. Это всегда много стоило для русского человека, всегда ставило его перед важнейшим жизненным выбором, и уходящие на государственную службу люди прощаются с родными так, будто уезжают в другую страну и могут с ними больше не увидеться. Родные же гордятся таким выдвижением своего родственника, но считают его отрезанным ломтем, не смеют относиться без настороженного уважения и вообще знают, что его редкие приезды домой – большая честь... Всё – он чужой, и вовсе не обязательно, что это принесет родственникам выгоды. Беги нас пуще всяческой напасти и барский гнев и барская любовь... Мы народ, а в государстве всё бары!

Как бы там ни было, но эксперимент удался, и в итоге мутации в России появилось странное существо, которому не было русского имени. Да и иностранного тоже. Поэтому имя ему было придумано и не имеет соответствия ни у нас, ни за рубежом. Интеллигенция. Произведено оно от новолатинского *intelligentia*. Новолатинского не в том смысле, что его не знала классическая латынь, а в том, что при выборе следовали за идеалами, воплощенными в это слово во времена возрождения латыни и, в данном случае, не раньше XVII века.

В сущности, *intelligentia* должно бы означать способность думать, рассуждать, но на деле оказалась способностью мыслить и понимать. Понимать чужое. Между думать и мыслить есть

существенная разница. Даже на первый взгляд она заметна в том, что думать может каждый, а вот мыслить надо учиться. Мыслитель – это не думатель, мыслитель – это почетно и значимо. И он всегда образец для подражания. Интеллигенты должны были взять лучшие образцы европейского разума и принести их в Россию. Так задумывалось. Их задача, заложенная в само устройство сознания, всегда одна – не дать России отстать от Европы.

Уже из этого можно понять, что интеллигенты – это существа, несущие в Россию Европейский Разум. Тогда Европейский, а сейчас и Американский и вообще зарубежный. Вот такая специализация человеческой особи.

Мутация получилась вполне стойкой, и интеллигенты оказались и востребованы и жизнеспособны. Они развили вполне узнаваемые черты, естественно вытекающие из начальных задач. Интеллигент, в отличие от простого человека, должен владеть иностранными языками и должен заниматься, как говорится, интеллектуальным трудом, то есть делать не то, что делает народ, должен следить за всеми изменениями и достижениями в умственной жизни зарубежья и быстро воплощать их в нашу жизнь. А если народ или государство, не понимая своей выгоды, сопротивляются принятию какого-либо европейского образца, интеллигент должен пожертвовать своей жизнью ради продвижения Прогресса. Такова судьба всех узкоспециализированных особей в любом улье или муравейнике – гибнуть, если их программа не срабатывает.

Что такое тот Прогресс, ради которого интеллигенты не жалеют ни своей, ни нашей жизни? Прогресс – это и есть продвижение. И не более того. Но понять, почему Прогресс стал святыней и фетишем для интеллигенции, можно лишь взяв все выражение в целом: продвижение Западного разума в Россию. Святыня – это, собственно, не сам Прогресс, а западный Разум. Все, о чем говорят как о прогрессе человечества, если приглядеться, это очередная победа Западного образа жизни. Разум воплощается именно в образе жизни. Да он и не уловим сам по себе, поскольку никакого Западного Разума нет! Вдумайтесь сами.

Разум есть лишь способность думать. Когда он что-то придумывает, это закрепляется в мышлении и в обычае, то есть культуре. Безусловно, это достижения Разума, но в самих этих достижениях никакого разума уже нет. Он ушел думать. А эти воплощения становятся примерами его думания и образцами для подражания, в том числе и в поведении. Думайте как мы, и вы станете так же богаты и сильны! Но для интеллигента «думайте как мы!» не означает «учитесь думать!» – этот призыв звучит как: сначала возьмите и освоите лучшие образцы западной мысли. А это значит, что интеллигент не учится у отдельных западных людей тому, как думать. Он берет у самого Запада лучшие образцы, а с ними сам образ жизни и привносит их в Россию и страны третьего мира. Вот это и есть Прогресс!

Война Богов. Что это означало для России? Страшную вещь. Все, что мешало Прогрессу, было личным врагом интеллигента. Ведь оно мешало ему воплотить свою программу, а значит, вело к самоуничтожению. И вот русский интеллигент, а во второй половине XIX века это по преимуществу врач, идет в народ, чтобы уничтожать предрассудки и суеверия и насаждать прогресс Западной науки. И уничтожает все старое, применяя тактику выжженной культуры. Да и до сих пор уверен, что все народное целительство заслуживает стерилизации.

Китай, Индия, даже Латинская Америка и Африка, сохранив свою народную культуру и изучив ее, не только сохраняют духовную самостоятельность, но еще и извлекают из нее огромные прибыли, потому что Запад все сильнее убеждается в том, что его Прогресс ведет к гибели планеты, и платит деньги за любые древние знания. А мы предпочитаем покупать любые западные отбросы, как в технике, лекарствах, так и в подходах. Все, что там устарело, для нас еще завтрашний день.

А что имели, не храним настолько, что даже не даем себе труда задуматься, а не выплеснули ли вместе с водой собственного ребенка, который мог стать будущим России.

Этнографы еще как-то пытались описать русскую народную медицину, ущербно и слабо, но и за то им низкий поклон. А вот врачи, физиологи и прочие жрецы Медицины и Науки всегда были непреклонны: сначала полное уничтожение явления. Лучше – вместе с носителями знаний. А затем на абсолютно чистой, стерилизованной площадке возведение здания совершенно новой прогрессивной Медицины. Естественно, абсолютно научной и абсолютно правильной.

Эта абсолютно правильная Медицина столько раз за последние полтора века обгаживала саму себя, что сейчас без смеха читать нельзя то, что было абсолютно научным какое-то время назад. Но в одном она права: уничтожив своего народного врага полностью, очистив Россию от него, она вычистила и наши умы от самой возможности сказать: но там, в народном целительстве, было и много полезного! Ничего полезного там не было, одно мракобесие и суеверия, уж вы поверьте Науке! Что говорит Наука, то истинно, ибо спорить некому!

И это все сделано интеллигенцией. И будет делаться до тех пор, пока жива эта программа, внедренная в сознание лучших русских людей. Почему мы просто не можем знать иностранные языки, иметь друзей за рубежом, понимать то, как они ищут и ошибаются в своем стремлении к истине?! Почему мы обречены продвигать их идеи, а не торговать своими?! И уж тем более не продвигать то истинное, что было найдено русским умом, но при этом никак не соответствует идее Прогресса? Кто сказал, что Прогресс – это стрелка в верном направлении? Какой из Богов поставил этот указатель на дороге, ведущей в ад?

Не знаю. Но он был настолько хитер, что русский интеллигент, прочитавший эти строки и согласившийся с ними, окажется в растерянности: я не хочу быть мутантом, я не хочу разрушать Россию, но разве возможен иной способ жизни для интеллигентного человека, кроме как быть интеллигентным человеком? Как это напоминает компьютерные фантазии вроде знаменитой «Матрицы», где ловушкой является весь образ мира, искусственно созданный для нас.

И как это напоминает основной вопрос всего человеческого самопознания: как вырваться из иллюзии, через все органы чувств убеждающей меня, что этот сон есть действительность и иная жизнь просто невозможна?..

И этой иллюзией оказывается все та же Научная картина мира, но не в той ее части, что описывает мир, а в той, что приписывает поведение и называется мировоззрением. Именно она рождает образ жизни, в котором и выражается приспособление особи к определенным задачам клеточного государства. Здесь ловушка, но здесь же и ключ к ней, направление к свободе.

Глава 7. Что же такое очищение организма?

Вот теперь, рассмотрев явление в его истории и развитии, можно и подумать о его действительной сути. Почему у наших очистителей пришло понятие «очищение организма»? Потому что это инородное и смутное выражение – «организм» – колоссально упрощает понимание. Как слово-новодел оно не обладает глубиной, а значит, может содержать лишь то, что мы договоримся в него вкладывать. Иными словами, в данном случае мы сами задаем глубину описания рассматриваемого явления. Какова она?

Новолатинское *organismus*, происходя от греческого *organon*, в сущности, означает «система органов». А поскольку «органон» – это «орудие» или «инструмент», то организм оказывается своего рода фабрикой, занятой поддержанием собственного существования. Никаких других целей у этого бессмысленного образования в рамках естественнонаучной картины мира нет. Человек – это гриб или водоросль, задача которой дорасти до половозрелого возраста, произвести потомство и незаметно сгнить за ненадобностью. Отсюда и потеря уважения к старикам и к их мудрости в современном обществе.

Когда мы рассматриваем человеческое тело как организм, то есть набор взаимосвязанных органов, нас не только подмывает видеть его фабрикой или государством, но и не видеть того, что не укладывается в образ фабрики или государства и тем делает жизнь сложнее. Ученые даже сердятся, когда им задают «необязательные» вопросы о каких-то странных явлениях в теле. Наука просто не может их исследовать по двум основным причинам: во-первых, у них нет предположений о том, что это и зачем может быть нужно; во-вторых же, и это главное, им надо делать свое дело и некогда отвлекаться на пустяки. А свое дело – это углубление образа тела-фабрики.

Так что, если вы спросите, к примеру, почему умывание холодной водой отгоняет сон или почему, когда ешь чеснок или хрен, потеет темечко, на вас просто посмотрят как на дурака. Когда человек занят диссертацией, ему не до детских мелочей. Ученые так приучили нас не задавать дурацких вопросов, что мы и не задаем. Но откуда мы знаем, какие вопросы дурацкие?

О, это очень просто. Наука взяла себе все, что связано с материей. И мы это распознаем как по-настоящему научное. Все же, что связано с Духом или Душой, – дурацкое, потому что их нет и нечего тратить на них драгоценное время. Простейший пример: почему так плохо работает Наука наркология, почему пьяниц не удается излечивать? Ну, уж только не потому, что ученые не изучили химическое воздействие алкоголя. Но изучали ли они духовную составляющую вина, то есть дух или спирт – *spiritus*? Безусловно, нет, потому что дух может воздействовать только на родственную себе среду. А от такого предположения один шаг до признания, что у человека есть духовная составляющая. А какой Наукой ее изучать, не дай бог придется? Религией, наверное. Не Физиологией же?!

Физиология – основная Наука об организме. Физио-логия – это наука о физике человека. Физика в данном случае – это природа, то есть тело. Задача Физиологии описывать тело, но она описывает органы организма и их взаимодействие. При этом для простого описания органов создана особая наука – анатомия. Первое анатомическое описание тогда еще тела было сделано в 1560 году под названием «*Anatomia de corpore humano*».

Анатомия делает самое поверхностное описание человеческого тела. Хотя я бы предпочел мысль, высказанную современным русским философом Валерием Подорогой:

«Рождающийся медицинский взгляд нарушает освященное религиозным чувством единство “души и тела”. Человеческое тело теряет свою неприкосновенность, тайну и становится не внушающим более страха, мертвым остатком человеческого, или **трупом**» (Подорога, с. 176).

Иными словами, анатомия была призвана сделать описание частей человеческого трупа. Физиология идет дальше и, соединив мертвые органы в понятие «организм», проверяет, как из них собрать действующую машину. Физиолог определенно видит эти органы мертвыми, в анатомическом смысле, что не значит, разлагающимися. Просто они стандартные детали, которые можно менять местами, не спрашивая их согласия, что пришлось бы делать, будь они живыми. Физиологу было бы страшно подумать, что с этими деталями можно или нужно договариваться.

Однако, в таком подходе есть если не истина, то последовательность. Судите сами: если человека делает живым душа, а ты берешь и изгоняешь ее из его тела, например, эфиром, или просто силой своего убеждения, что никакой души нет, тогда перед тобой мертвое тело, и ты волен делать с ним, что хочешь. Кстати, так же объясняется и пристрастие физиологов

к резанью лягушек, крыс, собак и обезьян. Им никогда не снится, что они причиняли боль живому существу, потому что еще Декарт отказал животным в наличии души. А Декарт был одним из первых физиологов и любил порезывать трупы у себя на кухне.

Что же мы имеем как очищение, когда глядим на него со стороны анатомов и физиологов? Что мы чистим? Все просто и определено: организм, как биологическая фабрика, составлен из последовательной цепи цехов, потребляющих какое-то сырье, перерабатывающих его и выдающих на-гора продукт. Изучая продукт, можно видеть, какого он качества, и по нему определить в каком звене производственной цепочки наличествует сбой или повреждение. Именно поэтому все обследования, ведущиеся Медициной, начинаются с изучения мочи и кала.

Человеческий организм – это фабрика по переработке мира в дерьмо, и делаться это должно с вполне определенным качеством! Вот основание того очищения, которое мы можем сделать с помощью Медицины и ее родственников.

Выводы: очищение от организма

Нет такой вещи как организм! И чистить в нем нечего. Даже кал и моча принадлежат телу. И чистильщики наши либо чистят тело, либо пускают пыль в глаза, засоряя умы, в попытке стать еще одной Наукой.

А организм – это не тело и не душа, это хитрое клеточное государство внутри меня, которое постоянно пугает революцией, заговорами и болезнями, но на деле занято лишь производством отходов. Очищение возможно, только если мы назовем вещи своими именами. И это значит, что мы можем начать очищение организма, тела и чего угодно другого только с очищения сознания.

Есть, правда, еще одна составная часть человека, которую я не рассмотрел. Нейрофизиологи называют ее психикой. Исследование будет не полным и не исчерпывающим, если я перелечу через это научное море.

Море психики

Слой 1. Психика медицинская

Глава 1. Организм + психика = человек?

Человек – это не организм. У человека есть тело, есть сознание и есть душа. Но если мы начинаем смотреть на себя физиологически, то душа пропадает, а появляется организм. Однако даже физиологи понимают, что одними механическими взаимодействиями внутри этой фабрики человека не объяснить, да и не понять. Поэтому они допускают, что есть нечто, кроме организма. Это нечто не должно быть душой, иначе вся естественнонаучная революция насмарку. Но оно должно содержать в себе достаточно душевных проявлений, чтобы машина по имени человек была самодостаточной и в душе больше не нуждалась.

Этой составляющей организма придумали имя «психика». Почти душа, но не душа. По естественнонаучным воззрениям организм плюс психика равны человеку. Так что нам сама Наука уготовила вслед за организмом понять, не психику ли придется чистить для самопознания.

Глава 2. Медицинское очищение психики. Психиатрия

Как вы уже поняли, в тех морях Медицины, которыми заправляют Санитария и Гигиена, ничего подходящего для очищения не нашлось. Их воды не омывают, а только убивают, точно мертвая вода. Я честно прошел их насквозь, оставив в стороне лишь такой странный раздел, как Социальная гигиена, потому что он явно не имеет отношения к моему самопознанию.

Зато в моем сознании живет крепкое убеждение, что, когда мне станет плохо, когда я дойду до определенной черты, я найду помощь в той части Медицины, которая называется Психиатрией. Для меня Психиатрия – это наука об очищении психики. Как, впрочем, и Психотерапия и даже медицинская или клиническая Психология в какой-то мере. Конечно, это всего лишь представление, а не знание, но оно очень крепко. Моя культура, культура человека современного общества, убеждена, что Психиатрия занимается своего рода очищением, когда лечит психических больных. А что на самом деле?

Война Богов. Начну исследование с того, что сами Психиатрия и Психотерапия понятие «очищение» не используют совсем. Возможно, это связано с тем, что Психиатрия принимает облик Науки еще в XVIII веке, когда очищение было живым понятием народного знахарства и целительства. Соответственно, перед Психиатрией как перед одной из Наук стояла задача отчетливо отличаться от той среды, из которой она выделилась. А значит, не использовать ни под каким видом язык народного целительства и использовать лишь свои, узнаваемо научные понятия.

Естественно, что Психотерапия, появляющаяся на век позже, шла строго вслед за своей старшей сестрой и вообще зависела по языку от Психиатрии и Психологии.

Однако, все это – политические сложности Науки. Может быть, на уровне языка психиатры не используют народное слово «очищение», а в действительности делают именно очищение? Пользуются им как своим скрытым инструментом? Нет, и это не так.

Лечащая психику Медицина не использует очищение даже тайно. Она исходит не из понятия загрязнения психики, а из понятия ее расстройства.

Это принципиально, потому что означает два совсем разных способа понимать, что такое сама эта психика, то есть чем является тот предмет, который изучают и лечат врачи. И это очень любопытное различие, потому что оно похоже на интригу детективного романа может быть предметом расследования.

Чтобы сделать это заявление очевидным, скажу такую вещь: современные книги по психиатрии или психотерапии избегают вообще говорить о том, что такое психика. Конечно, я не могу утверждать это в отношении всех авторов, всех не прочитаешь. Но это точно в отношении тех книг, которые создают общественные представления. То есть в отношении самых популярных книг, которые доступнее всего и вообще свободно стоят на книжных прилавках.

Поскольку я не психиатр, то в отборе источников я применил прием случайной выборки. Проще говоря, я не занимался созданием полноценной картины научной психиатрии, а взял несколько случайных книг из числа тех, что находятся на виду, а значит, чаще всего и попадают случайному читателю. Сделал я это очень просто – пошел в хороший книжный магазин, имеющий раздел книг по медицине, и купил все, что относилось к психиатрии и психотерапии.

И вот, что мне попало.

«Психотерапевтическая энциклопедия» под редакцией Б. Карвасарского. Много говорит о разнообразнейших психических явлениях, но первое понятие, начинающееся с «псих-», которое ей известно – это психическая проработка, а за ним психоанализ. Психики в Энциклопедии психотерапии нет.

«Справочник по психологии и психиатрии» под редакцией С. Циркина. Сложно устроенное сочинение, но имеющее Предметный указатель. Понятию «психика» в нем не только не посвящена отдельная глава, но его нет даже в предметном указателе. Возможно, оно и не встречается на протяжении семи с половиной сотен страниц.

«Пограничные психические расстройства» Ю. Александровского. Прекрасное исследование, вырастающее из хорошего исторического очерка. Тем страшнее становится, когда понимаешь, что автор, употребляя слово «психическое», избегает говорить о психике не случайно, а потому что так, очевидно, было принято его предшественниками.

Нет понятия «психика» и в учебнике «Психиатрия» под редакцией В. Самохвалова. «Психиатрия» А. и Ан. Кирпиченко с понятием «психика» тоже не работает...

Кстати, это болезнь не только русской Психиатрии. За рубежом, как в Европе, так и в Америке, «психика» тоже не в почете. Вы не найдете ее в таком авторитетном издании, как «Клиническая психология» под редакцией М. Перре и У. Баумана, хотя там приводится богатейший очерк истории исследования психических болезней.

Точно так же не использует понятие «психика» и Карл Ясперс в своей огромной «Общей психопатологии». В предметном указателе есть «Психиатрия», «Психическая жизнь» и «Психические болезни», но нет «психики». Так что же в таком случае болеет? И почему психиатры избегают «психики», даже когда говорят о «психическом»?

Война Богов. Вот это и есть детективная завязка, за которой, я подозреваю, скрывается какое-то преступление. Ну, по крайней мере, скелет в шкафу.

Думаю, дело в том, что если попытаться дать определение тому, что такое психика, то падет сама основа всей Психиатрии – понятие «психического расстройства». Именно оно, вместе с понятием «нормы» или «здоровья», и не позволяет Психиатрии говорить об очищении. Почему?

Вслушайтесь и всмотритесь в эти понятия: психика, очищение, психическое расстройство. Принимает ли ваше языковое чувство такие словосочетания: очищение психики, очищение сознания, очищение души? **Поскольку «психика» – это всего лишь обрусевшее греческое слово «душевное», то очищение психики, по сути – это то же самое, что и очищение души. Это возможно. Но недопустимо!**

Потому что тогда-то и начинается самое страшное – скелет благополучно умерщвленной Наукой души снова загуляет по миру. А с возвращением души начнутся сложности со всей той механической картиной мира, что утвердилась в Науке, благодаря Механике Ньютона.

Вселенная – это огромный механизм, где все винтики и шестеренки находятся в жесткой взаимосвязи и зависимости. И если ты понимаешь его устройство, прежние боги больше не нужны – ты сам Бог!

Ну а теперь взгляните сами в главное понятие Психиатрии – психическое расстройство, и вы увидите, что расстраиваться может только устройство, то есть машина, созданная по принципам все той же Механики. А психиатр – это наладчик машинных устройств – Бог для любого из роботов, обращающихся к нему. Ну, как впустить на этот праздник жизни непонятную и все портящую душу?!

Долгие годы работая прикладным психологом, я так или иначе постоянно был вынужден сталкиваться со всеми теми медицинскими Науками, которые отреклись от души. А их четыре – Психиатрия, Психотерапия, Клиническая или Медицинская Психология и Неврология или Невропатология. Естественно, за эти годы я прочитал горы литературы по всем этим дисциплинам, кроме Неврологии. Сейчас, работая над этой книгой, я вдруг обнаружил такую странность: почему-то я считаю, что Неврология тоже отреклась от души, хотя она и не имеет ее в своем имени, и почему-то я ее не читаю. Я задумался, а потом взял и полистал книги по Неврологии.

Взял, так сказать, классику, по которой десятилетия работали все советские невропатологи, – «Нервные болезни» Ходоса и «Нервные болезни» Сеппа, Цукера и Шмидта 1950 года издания и кое-что еще. И сразу все встало на свои места. Крайне политизированный учебник Сеппа, Цукера и Шмидта начинается с «Очерка истории отечественной невропатологии» такими словами:

«Основой советской невропатологии является материалистическое учение о мозге и высшей нервной деятельности, созданное великими русскими физиологами Сеченовым и Павловым.

Гениальное учение И. П. Павлова, установившее обусловленность всех форм жизнедеятельности сложного организма, в том числе и психики, условиями существования, является твердой естественно-научной основой для перестройки медицины, начинает новую высшую эпоху в развитии творческого естествознания» (Сепп, Цукер и Шмидт, с. 5).

Как видите, довольно долгое время Неврология была убеждена, что занимается той «формой жизнедеятельности сложного организма», которая называется психикой. А идет это заблуждение от Сеченова, который жизнь положил, с одной стороны, на то, чтобы доказать, что психологию должны делать физиологи, а с другой – что души нет, а есть нервная система.

Как говорит про него учебник Сеппа на той же странице:

«Иван Михайлович Сеченов (1829–1905), сверстник и соратник великого революционного демократа Н. Г. Чернышевского, является всеми признанным отцом русской физиологии и основоположником материалистической психологии. Своими исследованиями он открыл новый этап в мировой науке.

В 50–60-х годах (XIX века – АШ) вопросы естествознания и, в частности, физиологии привлекали к себе внимание передовой русской интеллигенции.

В развитии передовой общественной мысли того времени пропаганда достижений естественных наук и трудов естествоиспытателей играли большую роль.

Сеченов был самым выдающимся представителем воинствующего естество-знания этого периода» (Там же, с. 5–6).

Вот и разгадана одна загадка **воинствующего естествознания**. Это не Неврология отрекалась от души. Это первые неврологи, то есть физиологи, отрекались от души ради Науки. Отрекались громко и разрушительно, как это было принято у прогрессивной интеллигенции конца девятнадцатого – начала двадцатого века. И это отречение проклятием все еще висит над Неврологией.

Но остается вторая загадка: почему прикладной психолог не читает литературу по неврологии? А это за редкими исключениями верно для всех прикладников. Причем, задумавшись об этом, я с удивлением обнаруживаю в себе такое явление: мне никогда по-настоящему и не требовалось никаких дополнительных знаний по неврологии, кроме общего представления, которое имеет любой психолог.

Если попытаться выразить мое внутреннее состояние словами, то прозвучит оно примерно так: а зачем мне что-то дополнительно знать по неврологии? Невропатологию у пациента я узнаю и так. А что дальше делать – ясно: есть специалисты, к ним и надо направлять больного. Вот и все хитрости с Неврологией, в отличие от Психиатрии и Психотерапии, где ничего не ясно и все время приходится фильтровать сквозь себя кубометры бумажного планктона. Любопытно.

Но в чем же фокус? Вот я беру учебник «Нервных болезней» Х. Ходоса 1965 года издания, открываю и обнаруживаю именно то, что ожидал в строгом и даже, хочется сказать, классическом исполнении. Книга начинается с рассказа об устройстве и развитии нервной системы. Никакой политики, и даже про Павлова сказано так, что он сам остался бы доволен. Я не могу удержаться и приведу начало книги. Пусть оно позволит Неврологии очиститься от притязаний на психологию и душевную жизнь. Неврология – это наука о нарушениях в работе нервной системы, иными словами, медицинская пато-физиология нервной системы.

«Биологическое значение нервной системы состоит в том, что она регулирует взаимоотношения между организмом и внешней средой, а также взаимодействие органов внутри организма. Нервная система обеспечивает целостность животного организма и единство его с окружающей средой. Основным механизмом деятельности нервной системы является механизм рефлекса.

Анатомо-физиологической базой всякого рефлекса служит рефлекторная дуга, состоящая по меньшей мере из трех частей: 1) приводящего, центростремительного колена – нервного прибора, воспринимающего раздражение и доводящего чувствительный импульс до центра рефлекторной дуги, 2) центра рефлекторной дуги и 3) центробежного, отводящего колена, передающего нервный импульс от центра дуги рабочему органу. Рефлекторные дуги сложных рефлексов имеют еще и четвертую часть – вставочную – между афферентным путем и центром дуги. Эта часть может состоять из одного или нескольких нейронов.

Рефлексы, как известно, делятся на безусловные и условные. Те и другие могут быть простыми, сложными и очень сложными. Понятно, что чем более высоко организовано животное, тем более сложные и разнообразные рефлексы способна осуществлять его нервная система. Безусловные рефлексы являются врожденными, видовыми рефлексами. Они возникли и закрепились в процессе формирования определенного вида животного и приспособления его к условиям существования. Все животные данного вида имеют одинаковое число стереотипных безусловных рефлексов. Условные рефлексы, впервые открытые и систематически изученные И. П. Павловым, являются индивидуальными, приобретенными в процессе онтогенетического

развития данной животной особи. Они дают возможность животному наилучшим образом приспосабливаться к меняющимся условиям жизни, наиболее точно и тонко реагировать на многочисленные раздражения, действующие на него из окружающей обстановки.

Индивидуальное приспособление, в основе которого лежит условная временная связь, представляет собой высшую и наиболее совершенную форму нервной деятельности. Индивидуальные приспособительные реакции, условные рефлексы, свойственны, по И. П. Павлову, всем представителям животного мира. Они получают максимальное развитие, становятся особенно тонкими и многообразными у высших животных, обладающих хорошо развитой корой головного мозга, способной осуществлять наиболее совершенный анализ и синтез.

Предпосылкой для деятельности нервной системы является раздражимость нервных элементов – нервных клеток и волокон. Раздражимость – способность приходить в деятельное состояние под влиянием различного рода внешних воздействий – широко распространена в природе. Она свойственна и простейшим одноклеточным животным, лишенным нервной системы (например, амебе), и растениям, также не имеющим нервной системы. Нервная система – аппарат, специально приспособившийся к тому, чтобы осуществлять двигательную реакцию в ответ на раздражение» (Там же, с. 7–8).

О чем говорит это мое недоразумение с неврологией? О том, что у неврологии есть свой предмет, который определен предельно точно. И в рамках этого предмета она почти совершенна. А если отбросить память о политических перегибах, в которые занесло некоторых ранних нейрофизиологов, опьяненных успехами естествознания, то неврология – наука, которую можно знать. Причем, наука сродни именно классической механике, если рассматривать их не как сообщества, а как отрасли знания. То есть с маленькой буквы.

Вглядитесь в описание Ходосом рефлекторной дуги, и вы заметите, что описывается прибор, своего рода электрическая машина, обслуживающая тело. То, что она электрическая, заметил еще Сеченов, от чего, очевидно, и одурел, – превратить человека в электромеханическую машину – это действительно сила! Это такое подтверждение механической картины мира, что физиолог встает прямо за физиком. Встает у трона своей повелительницы Науки, конечно. Вот за что клались жизни.

Но как бы мое видение человека ни сопротивлялось такому механическому его пониманию, я не могу не признать, что наше тело – это действительно своего рода био-электрическая машина. А значит, может быть описано и изучено в этом отношении. И даже если понятия «рефлекса» и «рефлекторной дуги» неточны или даже затемняют действительное устройство этой «машины», в целом, неврология – это точная наука. А лучший для прикладного психолога способ взаимодействия с ней – доверять работающим в ней профессионалам-наладчикам. Не дело душеведа ковыряться в цепях и переключателях.

В чем же отличие Неврологии от Психо-наук? Получается, что в наличии собственного предмета. Неврология и нейрофизиология имеют вполне определенный и хорошо изученный предмет. И даже если их знания этого предмета еще не совершенны, лучше их это дело все равно никто не знает. И поэтому им можно доверять.

Науки же, взявшие в основу своего имени греческое слово Психе, тем самым обозначили и свой предмет, и то, что мы вправе от них ожидать. Но тут они и нас и себя обманули и Психе из своего исследования исключили.

А тем самым они стали науками не о том! Это и фокус и пустышка сразу. Как им вообще удалось выжить?

Еще одним фокусом. Отказавшись от души как от предмета и от понятия, они начали искать нечто, способное ее заменить, и попытались привить себя к стволу успешно развивавшейся Неврологии. Но уже полтора века назад невролог Сеченов спрашивал: зачем нужна такая психология, которая хочет подменить физиологию? Все, что доступно физиологам, мы объясним и сами!

Глава 3. Предмет психиатрии. Психическое без психики

И все-таки, есть ли у Психиатрии свой предмет? Признать ее предметом нервную систему и ее деятельность я не могу не только потому, что это предмет Неврологии, но и потому, что сами психиатры постоянно бормочут что-то невнятное о душе. Отказать ей в наличии своего предмета у меня тоже не получается, потому что я отчетливо ощущаю право Психиатрии на существование. Иными словами, когда я сталкиваюсь с какими-то болезнями психического плана, я сразу вижу, что мне как психологу тут делать нечего, случай надо передавать врачам. И к тому же я четко отличаю неврологические болезни от психиатрических или психотерапевтических.

Это значит, что понятие «психической болезни» существует в действительности. При всей моей недоверчивости, я тоже не могу от него отказаться. Общество же не только имело отчетливое понятие о психических болезнях, но еще и так сильно боялось их, что до середины шестидесятых годов прошлого века платило психиатрам надбавку к зарплате в размере 25 % за вредность. Позже, правда, снизило ее до 15 %. Отпуск, кстати, у психиатров тоже всегда был длиннее, чем у других врачей. За вредность.

Значит, работать психиатром труднее, опаснее и почетнее, чем неврологом или психологом. А почему? Вот и пошел детектив. Психиатрия называет себя наукой, а я думаю, что науки о том, как лечить психические болезни, в действительности как не было, так и нет, а опасные люди – «психи», которых не уймешь никаким законом, – все плодятся. И психиатр работает не врачом, а бойцом на передовой, который как герой должен своим телом закрывать общество от его разрушителей. Нас обманули, психиатр – это не ученый и даже не врач. Он очиститель общества.

И действительно, рабочий стол психиатра, ведущего прием, должен быть снабжен кнопкой экстренного вызова, по которому должны прибегать дюжие санитары и, как полагается жрецам Санитарии, очищать мир от скверны и осквернителей.

Если бы Наука Психиатрия появилась и стала действенна, она создала бы определенные способы излечения психических заболеваний, значение героизма в жизни и труде психиатра тут же упало бы. А за ними упали бы и зарплаты. Но Психиатрия не может и не хочет становиться Наукой, хотя и называет себя так уже пару веков. Во «Введении в Самопознание» я подробно говорил о том, что Психиатрия лишь внешне выглядит Наукой и родственницей Психологии. На самом деле она – родственница Юриспруденции, потому что ее задача в обществе не искать истину, а обеспечивать общественный порядок в тех случаях, когда юристы бессильны.

Психиатрия – это дополнительная карательная система любого общества. И поэтому ее учение построено не так, чтобы обеспечивать психиатру возможность думать и исследовать, добывая истину. Она построена по образцу так называемого «прецедентного права», которое, к примеру, привилось в Америке. Психиатр в сложных случаях не обращается к своей науке так, как делает ученый, рассуждая: если исходные основания нашей науки таковы, то все, что относится к ней, должно подчиняться ее законам. Следовательно, в данном случае, мы должны спокойно применить научный метод, и решение будет найдено. Нет, психиатр в сложном случае бросается листать многочисленные тома предшественников и листает их, пока не находит схожий случай. Тогда он говорит: вот в таком-то году такой-то врач применил в этом случае такое-то лечение. Оно, правда, помогло лишь относительно, но мы его все-таки применим. А вдруг поможет!.. Да и ответственность, опять же...

Война Богов. Конечно, есть и психиатры, пытающиеся думать и искать, но не забывайте, я все-таки говорю как психолог, а не историк. У меня нет задачи описать все, что водится в Психиатрии, поскольку я исследую

лишь то, что является типическим для психиатров. Это во-первых. А во-вторых, я исследую Психиатрию как некий дух сообщества, Богиню, если хотите, а она насаждает определенные способы поведения своим почитателям. И то, что кто-то из психиатров не ведет себя, как полагается, это его личная человеческая заслуга. Пример силы человеческого духа, способного противостоять даже Богам.

Так вот, истинный психиатр – это не врач и не ученый, это работник органов внутренних дел, тюремщик с правами карать, обязанностью расследовать и мечтой о научности или душевности. И эта карательная составляющая – властная и жестокая – временами вылезает из любого психиатра, даже беленького и пушистенького, как говорится в анекдоте.

Второй типический слой в сознании психиатров – это искренняя вера в то, что они врачи. И таких сумасшедших, я думаю, большинство. Они, конечно, при случае, с удовольствием выпускают наружу своего тюремщика, но в целом они убеждены, что Психиатрия – это Медицина, лишь с большими правами и властью.

И лишь крайне малая часть психиатров являются исследователями и считают Психиатрию наукой. Допускаю, что они тоже не все действительно хотят найти истину и сделать свою науку действенной. Ведь большая часть ученых работает не на истину, а на место в научном сообществе. И в Психиатрии написано множество книг, про которые сами психиатры знают, что они писались лишь ради защиты диссертации и получения степени. Тем не менее, я думаю, для настоящих ученых и для искренне верующих, что они врачи, мое исследование будет полезно.

Итак, если возвратиться к детективу, как бы ни пыталась Психиатрия заявить, что ее предметом является та же деятельность нервной системы, что и у неврологии, это не проходит. Я продолжаю ощущать, что предметы не совпадают. В них есть какое-то существенное отличие.

Если поглядеть на историю Психиатрии, то она со всей очевидностью делится на два этапа: ранняя Психиатрия лечила душу и так это и заявляла. Но по мере развития естественно-научного подхода понятие «души» в Науке становилось все более запретным. За связь с душой могли подвергнуть и изгнанию или травле. Поэтому осторожные психиатры, не желая выпасть из братства врачей, предпочли от лечения **души** перейти к лечению **душевных болезней**.

Уже сам такой переход должен был бы насторожить думающих людей, потому что он свидетельствует о подмене и предмета и понятия: лечить душу, лечить человека, лечить болезнь. Предметом психиатрии стали сами психические болезни, будто бы они и есть те, кого можно вылечить, сделав здоровыми болезнями. Как возможна такая подмена?

Думаю, она легко объясняется, если вспомнить все те же заявления Сеченова и других физиологов, что душой человека является его нервная система. Нервная система – это предмет неврологии, а мы будем лечить ее болезни. Они-то и будут нашим предметом.

Не думайте, что я тут что-то передергиваю или подтаскиваю ради красного словца. То, что предметом психиатрии являются сами психические болезни – это общее место всех книг по психиатрии. Они все именно так и построены, что сразу от начала и до самого конца перечисляют, какие существуют психические болезни и методы их лечения. Книги же, претендующие на обобщающий характер, как учебники психиатрии, начинаются примерно с такого определения:

«Психиатрия (от греч. *psyche* – душа, *iatreia* – лечение) представляет собой самостоятельную науку, изучающую этиологию (развитие – АШ), патогенез (происхождение – АШ), клинику (протекание – АШ), лечение и профилактику психических заболеваний» (Кирпиченко, с. 17).

Иными словами, предмет Психиатрии – болезнь. И к тому же – не болезнь психики, а психическая болезнь. И никогда не психика, и даже без психики! Уж если отказываться от души, так планомерно и по всем фронтам. Никаких намеков на связи с врагами Родины или

Науки! Никто не должен заподозрить Психиатрию в ненаучности, поэтому мысль о психических болезнях как болезнях людей, но не психики, поддерживалась даже на уровне самых популярных, массовых изданий.

И уж если искать те книги, которые, с точки зрения психолога, оказали наибольшее воздействие на распространение в обществе «правильных» представлений о Медицине и Психиатрии, так первой будет **«Популярная медицинская энциклопедия»**. Даже если сами психиатры уже не согласны с ее определениями, простые люди знают, что такое психиатрия именно из статьи в Популярной энциклопедии.

А это значит, что для них «Психиатрия – это раздел медицины, изучающий психические болезни, их причины, проявления, сущность, предупреждение и лечение».

Как видите, мысль, что Психиатрия занимается психическими болезнями, а не болезнями психики, насаждалась с той же мощью и теми же методами, что и коммунистическая пропаганда.

Может прийти сомнение, а не одно ли и то же психические болезни и болезни психики? Как бы не так! О Психике или душе «Медицинская энциклопедия» ничего не знает, так что словосочетание «психические болезни» – это вовсе не простая перестановка слов по сравнению с «болезнями психики». Это принципиально иные болезни, имеющие отношение не к психике, а совсем к иному носителю расстройств. К какому?

Чуть ниже это объясняется:

«В развитии психиатрии, тесно связанном с развитием естествознания и материалистического мировоззрения, стало ясно, что психические болезни являются болезнями головного мозга».

Думаю, что теперь вы не будете путаться и, читая где-нибудь в медицинском сочинении «психическая болезнь», не посчитаете, что это болезнь душевная. Кстати, за эти полвека во взглядах психиатров на предмет своей науки изменилось, пожалуй, только то, что они не смогли привязать все психические заболевания к мозгу и расширили носитель своих расстройств до всей ЦНС – центральной нервной системы.

С тех пор, как психическое без психики стало символом веры новой научной Психиатрии, о психике психиатры говорить избегают, доходя до анекдотов в своей изворотливости. Пример.

Перре и Бауман, «Клиническую психологию» которых я уже упоминал, начинают с однозначного заявления:

«Клиническая психология есть частная психологическая дисциплина, предмет которой – психические расстройства (нарушения) и психические аспекты соматических расстройств/болезней» (Клиническая психология, с. 30).

Заявив, что предметом некой науки является болезнь, ты должен дать определение своего предмета. Болезнь ведь есть всего лишь определенный вид разрушения «предмета», например, какого-то человеческого органа. Или души. Сделать предметом беспредметность очень, очень сложно. Тут надо обладать талантом. И вот начинается литературная эквилибристика. Читая дальше, не забывайте, что перед авторами стоит сейчас задача не просто дать определение болезни, а дать ее определение как предмета Психиатрии, или клинической Психологии, как они ее называют, и дать это определение так, чтобы обойти это неудобное существительное «психика», сохранив при этом прилагательное «психическое».

«Понятие “болезнь” подразумевает отчасти, что существует некое единство, обладающее специфическим набором симптомов и характером течения, которые обусловлены соответствующими биологическими процессами. Это определение до известной степени подходит к соматическим нарушениям. **При психических же нарушениях** подобные соответствия бывают спорны, поэтому представляется целесообразным применять более открытое понятие – психическое расстройство» (Там же, с. 31).

Может, вы думаете, что, давая определение «психических расстройств», авторы скажут и что расстраивается? Ну, вы наивные люди! Но это еще не весь анекдот, и не все искусство психиатрического словоблудия показано. Прямо вслед за определением предмета психиатрии как болезни или расстройства идут такие странные слова:

«Разделяя “психическое” и “соматическое”, мы тем самым подходим к вопросу об основных категориях понимания феномена человека – разных плоскостях рассмотрения (смотри главу 7) (Посмотрел: Глава 7 – это «Клинико-психологическая диагностика». Ничего об основных категориях понимания феномена человека тем нет! – АШ).

Чаще всего выделяют следующие плоскости: биологическую (соматическую), психическую, социальную и экологическую. Наличие таких понятий как психофизиология, психосоматика и т. д. говорит о том, что разные плоскости пересекаются друг с другом. Используя понятия “психическое” и “соматическое”, нельзя не коснуться проблемы души и тела, для решения которой в философии предлагаются различные онтологические и эпистемиологические подходы. Упомянем здесь только две позиции, которые являются особо значимыми для клинической психологии, а именно концепцию комплементарности Фаренберга и эмерджентную концепцию Бунге (см. прим. 1.1.)».

И вот это примечание:

«К проблеме души и тела.

Концепция Комплементарности исходит из того, что обе плоскости данных (соматическая и психическая), основываясь на разных системах отношений, взаимно дополняют друг друга и могут быть использованы для описания жизненных процессов более высокого уровня. Обе плоскости рекуррируют к своим собственным категориальным системам и системам теоретических и методологических обоснований. Их комплементарность существует во внутренне-внешней перспективе. Феномены переживания можно упорядочить в обеих системах отношений, представив первые как два подкласса атрибутов единого класса психофизических состояний ЦНС. Такая интерпретация претендует на онтологический и эпистемиологический нейтралитет.

В концепции эмерджентного психонейронального монизма Бунге также постулируется, что психические феномены и ментальные процессы – это некие категориальные состояния, присущие организму, которые, однако, не смогли бы существовать без нейробиологических основ. Бунге рассматривает психические феномены как “эмерджентные свойства”. Они являются продуктом нейронных процессов ЦНС и несводимы к клеточным компонентам головного мозга. Со своей стороны эмерджентные состояния могут влиять на физические состояния. Таким образом, при этом системном подходе отбрасывается онтологический редукционизм и постулируется – как в концепции комплементарности – независимая роль отдельных плоскостей данных» (Там же, с. 32).

Все! Уф! Поняли? Нет? Не поняли? Повторяю для непонятливых кратко:

Используя понятия «психическое» и «соматическое», нельзя не коснуться проблемы души и тела. Раз нельзя не коснуться, значит, коснемся! Всё, коснулись! Достаточно? Нет? Можете отправляться к Бунге и Фаренбергу, а мы займемся клинической психологией. И далее 1300 (!) – тысяча триста! – страниц разговоров о психических расстройствах без психики и души...

Наверное, у меня плохо с чувством юмора. Простите.

И все же. Для исследователей и врачей. Так может, потому и не лечит Психиатрия, что ее предмет – психическая болезнь, а не болезнь психики?

И что такое психика? Может быть, это знали хотя бы отцы и столпы современной Психиатрии? К примеру, великий и всеми почитаемый психиатр Кречмер?

Глава 4. Кречмер. Психология без души

Рассказ о психологии **Эрнста Кречмера (1888–1964)** особенно показателен, потому что он, как пишет его русский издатель профессор В. Луков, «дал образец структуры учебника, который до настоящего времени воспроизводится почти в том же виде современными авторами» (Луков, с. 448).

Кречмер издал свою знаменитую «Медицинскую психологию» в 1922 году, значит, он писал ее тридцатилетним, полным сил и уверенности в своем пути. Жизнь, точнее, научная карьера, складывалась у него великолепно. Он как бы обрамлен в рамку из гениев. Сначала он сам стал преемником одного из первых учеников Вундта, великого психолога Эмиля Крепелина. А когда он, в связи с приходом к власти нацистов, уходит в 1933 году с поста президента немецкого общества психотерапии, его место занимает Карл Юнг. Но гораздо важнее то, что вся жизнь Кречмера была примером служения ученого своим Богам.

Война Богов. Книга, изданная в 1922 году должна быть этапной для Науки, потому что она написана в завершение эпохи революций, перевернувших Европу и, в частности, Германию.

Конечно, эти революции считаются политическими. Однако, если внимательно к ним присмотреться, то можно заметить поразительную черту – их делали не только народные массы, но и вожди, которые были идеологами как революций, так и Науки. Науки как сообщества, конечно. Именно они готовили долгие десятилетия общественное мнение к тому, что власть в мире надо сменить, а жизнь и мир перестроить в соответствии с научным методом.

В итоге там, где революция победила, было построено «общество научного коммунизма», или просто научное общество. И пусть вставшие у руля государства люди не были выдающимися учеными, сами они себя считали людьми Науки и требовали от всех своих подчиненных научности в их действиях.

В общем, политической эта революция была только в том смысле, что целью ее был захват власти в государстве. Это общеизвестно. Но вот в вопросе, а кто рвался к этой власти, до сих пор нет ясности. Нас долгие десятилетия убеждали, что пролетариат или передовое человечество. Это все туман для отвода глаз. Пролетариат не может быть «передовым», он может быть только крайним. Из него сделали пушечное мясо и расколотили им стены осаждаемой крепости. А кто делал, осаждал, расколачивал? (Вспомните, как олимпийцы при осаде Олимпа призывают сторуких и пятидесятиголовых гекатонхейров, швыряющихся камнями. Как эти жуткие существа похожи на пролетариат.)

По крайней мере, одной из этих великих личностей, штурмовавших Олимп, была Наука, окрепшая к тому времени настолько, что решилась на борьбу даже с государством. Самое поразительное в этой научной революции 1917–20-го годов было то, что она победила не только в России. Даже там, где пролетариат, как в Германии, имевшую власть уничтожить не смог, она все равно сохранилась только внешне, а по сути стала научной. То есть признала значение Науки в современном обществе.

Следовательно, мы можем говорить об определеннейшем этапе в развитии научного мировоззрения, завершившемся во всем мире около двадцатого года прошлого века. Книги, выходящие тогда, должны были завершать предыдущее развитие либо определять пути дальнейшего. «Медицинская психология» Кречмера определено соответствует этой задаче.

А что было главным в предыдущем развитии психологии, кроме участия в подготовке к революции? С середины XIX века и особенно с 1879 года, то есть со времен создания Вундтом первой экспериментальной психологической лаборатории, новая психология упорно строит себя свободной от прежней идеалистической, философской Психологии, которая еще была наукой о душе и называлась Метафизикой. Эти полвека до революций были временем истощающей Метафизику партизанской борьбы по всем фронтам. Медленно, но верно естественно-научная Наука сделала метафизику постыдным словом в глазах общественного мнения. Старые метафизики за эти годы ушли из жизни, а молодежь больше не хотела выглядеть отсталой и предпочитала бить лягушек электрическим током, а не болтать пустое о душе.

Ко времени революций победа была одержана полностью, и теперь следовало запустить триумфальное шествие победившей Науки по всему миру. Кто-то должен был это шествие начать. Вот такая задача стояла перед Кречмером, и он ее вполне осознавал.

Осознавал и то, что плывет на волне мощного общественного движения: «В последние годы обнаружилось, прежде всего в пограничных физиологических областях медицинской психологии, большое и живое движение» (Кречмер, с. 3).

Осознавал и что и с кем надо делать.

«В последние годы все более открыто высказываются о необходимости для студента-медика и врача изучать психологию. Но какого рода психологию?

Старую философскую психологию, базирующуюся на отвлеченных понятиях, при этом не стоит рассматривать, так как она не дает ничего, что могло бы быть использовано врачом практически. <...> Он нуждается в психологии, которая возникла бы из врачебной практики и была бы предназначена для практических задач врачебной профессии» (Там же, с. 5–6).

Что это за ущербные люди, пролетарии научного труда – медики, которым даже психологию надо готовить особо – без всяких там философских отвлеченных понятий?! Вроде пошла в общем корыте: не важно, вкусно ли, главное, чтобы побыстрее и попроще набить брюхо! Им же некогда, им же людей лечить надо! Кто те люди, что позволяли Цирcee делать с собой такое?

Вероятно, это писалось как раз для бывших пролетариев, которые ради возможности вырваться из нищеты, в том числе и духовной, готовы были снести и растоптать всех, кто стоял на их пути, даже если он был хранителем настоящего знания. Весь мир прежних знаний надо разрушить до основания и заменить на свои знания...

Книга Кречмера, естественно, начинается с уничтожения прежнего. Она открывается главой с потрясающим названием: «Сущность души». Наш новый мир можно построить только на чистой площадке, а для этого ее надо очистить. Так Психология изучала очищение.

«Душой мы называем непосредственное переживание», – заявляет Кречмер в первой же строчке своего психологического манифеста от лица каких-то мы. Какое, однако, партийное заявление! Не Наука считает, не исследованиями установлено, а строго и однозначно выдвигается требование от лица сообщества ко всем, кто хочет стать его членами. Если вы вспомните слова Лукова, то именно здесь и закладывается «образец, который до настоящего времени воспроизводится почти в том же виде современными психологами». Образец не в том, чтобы считать душой переживание, а образец в том, что для психолога важна не истина и ее поиск, а дружное согласие о том, что и как называть и не допускать сомнения в общепартийных установках. Мы считаем!..

Что же в действительности говорит Кречмер в начале своей книги? Примерно, следующее: Сейчас, когда мы, наконец, победили, и нет больше тех, кто своими вопросами может испортить наше торжество, мы – все психологи мира – объединимся под символом веры, который звучит так: сущность души в том, что души нет, а есть то, что мы назовем этим именем. Мы теперь хозяева этого мира, а того, кто мог бы прийти и потребовать вернуть ему украденную собственность, больше нет! Мир будет жить по тем законам, которые мы ему нарисуем!

В общем, эту книгу и все созданное по ее образцу, можно было бы просто выкинуть, потому что они не соответствуют действительности, хотя и противопоставляют себя идеализму, который в их пропаганде как раз и стал символом оторванности от действительного мира. Лучший способ дис-кредитировать политического врага – обвинить его в том, в чем сам грешен, а значит, разбираешься.

Но выкинуть несложно, – а вдруг то понимание души, которое предлагает Кречмер, дает возможность для очищения? Что, собственно говоря, он понимает под сущностью души?

«Душой мы называем непосредственное переживание. Душа – это все то, что было ощущаемо, воспринимаемо, чувствуемо, представляемо, желаемо» (Там же, с. 13).

Несколько бредовое начало: душа это не то, что делает, живет или просто есть, а то, что желаемо! С очевидностью, странно... Поэтому Кречмер сам быстро подправляет себя:

«Следовательно, душа – это, например, дерево, солнце, поскольку я рассматриваю их как восприятие дерева, как представление солнца» (Там же, с. 13).

Ну, совсем ополоумел мужик, а еще смеет отказываться от философ-ской психологии. Прежде, чем от чего-то отказываться, надо бы это иметь, а то уж совсем по-пролетарски получается, словно в армейскую стенгазету написано. А ведь это оказалось образцом для поколений психологов!

Я думаю, он хотел сказать, что считает душой свои представления и восприятия внешнего мира.

«Душа есть мир как переживание, сумма всех вещей, рассматриваемая с определенной точки зрения» (Там же, с. 13).

Мир как переживание... Очевидно, прихватил у Ницше или Шопенгауэра. Интересно, а кто тот, кто рассматривает этот так называемый образ мира в его отношении к душе?

«Внутри этой суммы всего непосредственно пережитого мы замечаем определенную принудительную тенденцию к поляризации вокруг двух точек, вокруг двух противоположных полюсов: “я” и “внешний мир”» (Там же, с. 13).

Похоже, что у Кречмера, как и ожидается от изготовителя пойла для пролетариев, не все было ладно со способностью к рассуждению. Я еще склонен списать дикие выверты первых строк на волнение, что ли. Начинающему автору трудно написать первую строчку. Он в ней путается от обилия мыслей. Но вот пошло собственное рассуждение, где излагается главная мысль. И что мы видим? Вчитайтесь – где находится тот, кто смотрит на душу с определенной точки зрения? «Душа есть мир как переживание, сумма всех вещей, рассматриваемая с определенной точки зрения».

Для меня эта точка зрения неизбежно внешняя по отношению к этой «сумме» именно потому, что слово «сумма» означает некое обобщение, а значит и точка зрения на нее позволяет иметь обобщающее видение тому, кто смотрит. Значит, он снаружи.

К тому же сумма здесь явно равна миру. Она есть иное имя для мира, который много созерцается и переживается. Согласны?

И вдруг в следующем абзаце происходит заворот кишок внутрь самих себя: внутри этой «суммы» оказываются и «я» и «внешний мир».

Я допускаю, что в каком-то смысле так все и есть. Там внутри меня есть мои представления и о себе и мире. Но сама по себе эта мысль отнюдь не откровение, чтобы за него можно было простить все. А именно, безграмотного выскочку, который умудрился самоуверенно оплевать своих великих предшественников только потому, что без них сможет выгодно и по дешевке распродавать то, что наворовал по барским усадьбам во время погромов.

Кречмер мог быть мне интересен, если бы он умел видеть лучше меня и вести рассуждения не хуже тех философов, которых попытался заместить. Но он не владеет искусством философского рассуждения. А это означает, что, допустив ошибку в исходных посылах, он

вынужден будет развивать ее и дальше. Следовательно, все последующее рассуждение есть накопление ошибки. Тем более, что он тут же сам признается:

«Что касается действительного содержания непосредственного переживания этого чувства “я” или сознания личности, то оно не ясно и полно внутренних противоречий» (Там же).

Возможно, я еще вернусь к психологии Кречмера однажды, но только после того, как обрету ясность с тем, что понимается под сознанием. Для начала хотя бы в психологии. Пример Кречмера ясно показывает: нельзя браться за сложные предметы, не исследовав то, из чего они состоят.

Вот так писались основы Психиатрии. Я не хочу множить примеры и опускаю рассказы о Крепелине, Крафт-Эбинге и многих других. Ничего принципиально иного в их сочинениях нет. К тому же, они, так или иначе, вошли в современные учебники как их подводная часть. А учебники эти внутренне непротиворечивы в том смысле, что сами с собой не спорят, как не спорят до сих пор и с теоретиками психиатрии.

Выводы: Медицина о психике не знает

Как это ни парадоксально звучит, но Медицина не может заниматься очищением психики просто потому, что психики для Медицины нет. Медицинских Наук, которые могли бы заниматься психикой, три – Психиатрия, Психотерапия и Клиническая, или Медицинская, Психология. Но Клиническая психология – это та же Психиатрия и Психотерапия, потому что она либо занимается просто психологией медиков, и тогда она за рамки обычной Психологии не выходит, либо она занимается больными, и тогда она отличается от Психиатрии и Психотерапии только названием.

А Психотерапия и Психиатрия, по крайней мере, в общедоступных современных изданиях, психику не поминают, говоря лишь о наладке машины по имени болезнь, которая расстроилась. Это даже не расстройства организма. Просто нет ничего, но что-то постоянно и множеством способов расстраивается!

Конечно, нельзя всех психиатров огульно грести под одну гребенку. Кто-то говорит и неожиданные вещи, порой даже недопустимые, будь это сказано десяток-другой лет назад. К примеру, «Психиатрия» под редакцией Самохвалова, очевидно, под воздействием заразных психических расстройств, целое Предисловие, то есть почти страницу, бредит о душе, философии и даже шаманизме...

«Психиатрия это особая философия существования, она имеет дело с душой, норма которой, правда, не всегда точно определена. Но, несмотря на это, она ставит перед собой задачу позитивного влияния на больную душу. Но что такое душа, эманация, которая связана с чувством (сердцем), сном и сновидениями, мыслью (мозгом), другими людьми, без которых нам на душе неспокойно, остается загадкой <...>

Фигура психиатра вырастает из образа и архетипа шамана, который присутствовал во всех без исключения культурах. Он мог контролировать, в отличие от своих пациентов, собственное психическое состояние, сопровождая их в “верхний” мир и возвращаясь в момент транса с ними на землю. В определенном смысле звучание этой профессии остается таинственным и теперь. Обращение к психиатру пугает, интересует и вызывает сомнение. Хотелось бы, чтобы наш учебник изменил точку зрения на психические расстройства и место психиатра в современной медицине» (Психиатрия, с. 4).

Интеллигентно разговаривать с собственным учебником, высказывая ему пожелание, чтобы он изменил свою точку зрения на психические расстройства!.. Может быть, проще переписать его?

В общем, ну ее, эту пугающую и вызывающую сомнения ненаучную Науку Психиатрию. Все равно в списке ее инструментов нет ни очищения, ни самопознания. А психику я поищу в привычной, почти родной психологии.

Слой 2. Психика психологическая

Глава 1. Что же такое психика?

Так что же такое «психика», в самом общем виде для начала? Я ставлю вопрос в именно в общем виде, исходя из задач моего исследования: послойно изучать то, что вошло в мое сознание, начиная именно с самых общих или популярных знаний. Естественно, что самые общие и популярные знания психологии излагаются в словарях и учебниках. Вот ими я и ограничусь в этой части исследования.

Начать же с самого общего понятия психики необходимо еще и потому, что этого непростого понятия избегают те самые Науки, которые его и создали.

Кстати, надо заметить, избегают его не только Психиатрия, Психотерапия и клиническая Психология. В последнее время наметилась, как это говорят, тенденция избегать этого понятия и в общей Психологии. Во всяком случае, мне все чаще попадаются психологические словари – русские и зарубежные – где психологическое-все-что-угодно есть, а психики нет. Видать, психологам тоже пришлось задуматься о своем предмете, и они так наломали копыя, что решили составить заговор молчания, просто не упоминая и не обсуждая больше эту неуловимую психику. А Психология – это единственная Наука, которая все-таки ее исследовала.

К счастью, в мире еще есть белорусы, которые, с одной стороны, пишут много новых книг, а с другой, верно хранят все возможные традиции. О, Беларусь, мечта моей души! Как этнограф я всю жизнь хотел побывать в Полесье, заповеднике традиционной культуры, где в советское время делалась половина всех сборов по славянской этнографии. Это в том самом Полесье, которое по отношению к России – Запад и почти центр Европы!

Да и сейчас Беларусь хранит верность традициям – она единственная все еще мечтает возродить коммунизм или Советский Союз, не помню точно, что именно. А также она традиционно сохраняет в своих психологических словарях понятие «психики», являющееся наследием советской психологии. Этой верностью традициям белорусская Наука коренным образом отличается от русской, которая уж чересчур американизировалась.

Вот с белорусских словарей я и начну исследование понятия «психика», поскольку они самые новые, а значит, должны давать самые современные взгляды на этот предмет. **«Психологический словарь-справочник» Дьяченко и Кандыбовича** (Минск, 2001), делает такую попытку дать определение психике:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.